

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

A hand is shown holding a glowing, golden orb of light underwater. The hand is positioned in the center of the frame, with the palm facing upwards. The orb is bright and has a shimmering, ethereal quality. The water around the hand is dark blue, and there are some ripples and bubbles visible. In the background, another hand is visible, reaching out from the right side. The overall atmosphere is mysterious and ethereal.

ГАЛЕРЕЯ
ВЕЧНОСТИ

Эдуард Сероусов
Галерея вечности

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Галерея вечности / Э. Сероусов — «Автор», 2026

Нейрофизик Лира Чэнь пять лет живёт с незаживающей раной — смертью семилетней дочери Майи. Её исследования восприятия времени становятся способом убедить себя: прошлое — лишь иллюзия, боль можно объяснить и контролировать. Но эксперимент идёт не по плану. Лира обнаруживает Платонию — вечный ландшафт, где все моменты существуют одновременно. Майя не ушла. Каждое мгновение её жизни — здесь, навсегда. Открытие несёт надежду и угрозу. Пробуждение заразно. Человечество раскалывается на тех, кто видит вечность, и тех, кто остаётся во времени. Между ними — пропасть. И Лира должна выбрать, на какой стороне остаться. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I: Разрыв	5
Глава 1: Капсулы времени	5
Глава 2: Стекло	23
Глава 3: Координаты	42
Глава 4: Рождение	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эдуард Сероусов

Галерея вечности

Часть I: Разрыв

Глава 1: Капсулы времени

Нейроны гиппокампа на мониторе выглядели как созвездия – россыпь светящихся точек, пульсирующих в такт чему-то, чему Лира Чэнь пока не могла дать имя.

– Активация энторинальной коры стабильна, – сообщил Алекс из-за пульта, не отрывая взгляда от показаний. – Двести двенадцать микроампер. Субъект в сознании.

Лира кивнула, хотя он не мог этого видеть. Её внимание было приковано к человеку в кресле по ту сторону стекла – Маркусу Ковальски, сорокавосемилетнему инженеру-электронщику, который три месяца назад откликнулся на объявление о добровольцах для исследования «нейрофизиологии темпорального восприятия». Формулировка была намеренно расплывчатой. Комиссия по этике не одобрила бы правду: мы ищем людей, готовых позволить нам переписать их ощущение времени.

Маркус лежал неподвижно, глаза закрыты, дыхание ровное. Тонкие электроды – двадцать четыре нити, каждая тоньше человеческого волоса – уходили в его череп через аккуратные отверстия, невидимые под хирургической шапочкой. Три месяца подготовки, семнадцать часов операции, два дня восстановления. И теперь – первая настоящая стимуляция.

– Лира? – Голос Алекса приобрёл тот особый оттенок, который означал, что он ждёт уже несколько секунд. – Подтверждение на следующую фазу?

Она потёрла переносицу. Усталость накапливалась слоями – не только сегодняшняя, вязкая и тяжёлая от кофе и недосыпа, но и более глубокая, застарелая, та, что поселилась в костях пять лет назад и с тех пор никуда не уходила.

– Подтверждаю. Переход к прямой стимуляции темпоральных капсул.

Алекс ввёл команду. На мониторе рисунок активации изменился – созвездия сместились, перегруппировались, образуя новую конфигурацию. Лира подалась вперёд, впиваясь взглядом в данные. Вот оно. Структуры, которые она искала пять лет. Нейронные ансамбли, ответственные за то, что Джулиан Барбур называл «капсулами времени» – записями в мозге, создающими иллюзию прошлого.

Записями, которые можно переписать.

– Маркус, – произнесла она в микрофон, – как вы себя чувствуете?

Пауза. Потом голос, чуть хриплый, но спокойный:

– Странно. Как будто... я пытаюсь вспомнить что-то, но не могу понять, что именно.

– Это нормально. Мы стимулируем области, связанные с формированием автобиографической памяти. Возможно ощущение дезориентации.

– Нет, не дезориентация. – Маркус нахмурился, не открывая глаз. – Скорее... как будто я смотрю на фотографию, которую точно видел раньше, но не могу вспомнить когда.

Лира почувствовала, как что-то внутри неё сжалось – не от страха, от узнавания. Она знала это ощущение. Жила с ним каждый день.

Первые шаги. Запах детского шампуня. Маленькие пальцы, сжимающие её руку.

Она оттолкнула воспоминание, как отталкивают назойливую муху.

– Продолжаем, – сказала она Алексу. – Увеличь интенсивность до двухсот сорока.

– Лира...

– Я знаю границы протокола.

Алекс не стал спорить. Он работал с ней достаточно долго, чтобы понимать: когда Лира Чэнь принимала решение, дискуссия была бесполезна. Это раздражало большинство коллег. Алекс просто смирился.

Показания на мониторе снова изменились. Активация распространялась – не хаотично, а упорядоченно, как круги на воде. Именно этого Лира ждала. Темпоральные структуры гиппокампа начинали резонировать, передавая сигнал глубже, в энторинальную кору, оттуда – в префронтальные области. Цепная реакция. Каскад.

– Двести пятьдесят, – отметил Алекс. – Субъект стабилен. Лира, ты видишь это?

Она видела. Рисунок активации становился всё более сложным, приобретая почти фрактальную структуру – паттерн, который не мог возникнуть случайно. Мозг Маркуса Ковальски делал что-то новое. Что-то, чего не было в учебниках.

– Маркус, опишите, что вы чувствуете. Максимально подробно.

Долгое молчание. Потом:

– Я вижу свою кухню. Нет, не вижу – помню. Но это... другое. Обычно, когда я вспоминаю, картинка размытая, как сквозь матовое стекло. А сейчас... сейчас я там. Утро вторника, три недели назад. Я делаю кофе. Слышу, как за окном проезжает грузовик. Чувствую запах подгоревшего тоста – я всегда его пережариваю. – Пауза. – Это не воспоминание. Это... я там. Прямо сейчас. Одновременно здесь и там.

Лира перестала дышать.

Одновременно.

– Продолжайте, – сказала она, и её голос прозвучал чужим даже для неё самой.

– Это странно. Я знаю, что лежу здесь, в вашей лаборатории. Я чувствую кресло, слышу ваш голос. Но я также... я также там. На кухне. Это не галлюцинация, я понимаю разницу. Это как... – Маркус замолчал, подбирая слова. – Как будто оба момента существуют одинаково. Ни один не более реален, чем другой. Просто... два места, в которых я нахожусь.

Алекс обернулся к Лире. В его глазах было что-то новое – не скепсис, к которому она привыкла, а нечто похожее на тревогу.

– Это в пределах ожидаемого? – спросил он.

Лира не ответила. Она смотрела на данные, на фрактальный узор активации, на числа, которые не укладывались ни в одну из её моделей.

– Лира?

– Нет, – сказала она наконец. – Это не в пределах ожидаемого. Это намного лучше.

Когда Маркус Ковальски ушёл – всё ещё немного дезориентированный, но физически в норме, – Лира осталась в лаборатории, глядя на застывший экран с результатами. За окном Сиэтл погружался в ранние зимние сумерки, и огни соседних зданий отражались в стекле, накладываясь на нейронные карты, как призраки на фотографии.

Алекс убирал оборудование – методично, молча, с той сосредоточенной эффективностью, которая выдавала его напряжение лучше любых слов. Лира знала этот ритуал. Сейчас он закончит, сядет напротив неё и скажет то, что думает. Она могла бы уйти раньше, избежать разговора. Не стала.

– Ты понимаешь, что мы только что наблюдали? – спросила она, не оборачиваясь.

– Субъективный отчёт об изменённом восприятии времени. – Алекс сложил последние провода в контейнер. – Ничего, чего нельзя было бы объяснить стандартной диссоциацией или искажением памяти под воздействием стимуляции.

– Ты видел паттерн активации.

– Видел. – Он подошёл ближе, остановился рядом с её креслом. – И видел, как ты на него смотрела. Лира, я работаю с тобой три года. Я знаю это выражение. Ты уже решила, что это доказывает твою теорию.

– Потому что доказывает.

– Потому что ты хочешь, чтобы доказывало.

Лира наконец повернулась к нему. Алекс Вербицкий был на семь лет моложе её – тридцать пять, худошавый, с вечно взъерошенными тёмными волосами и усталыми глазами за стёклами очков. Хороший учёный. Осторожный. Иногда слишком.

– Послушай, – сказал он, садясь на край стола, – я не говорю, что твоя работа бессмысленна. Темпоральное восприятие – легитимная область исследований. Пластичность автобиографической памяти, влияние нейростимуляции на субъективное переживание времени – всё это публикуемо, всё это важно. Но то, о чём ты говоришь...

– Уравнение Уилера-ДеВитта.

– ...это не нейрофизиология. Это метафизика. – Алекс снял очки, потёр переносицу. Жест, который он перенял от неё, сам того не замечая. – Ты берёшь математическую абстракцию из квантовой гравитации – теорию, которую даже физики не могут согласовать между собой – и строишь на ней модель сознания. Это... – Он замолчал, подбирая слово.

– Смело?

– Я хотел сказать «безрассудно». – Пауза. – Но да, пусть будет «смело».

Лира откинулась в кресле. За пять лет этот разговор повторялся десятки раз – с разными словами, в разных формах, но всегда с одним и тем же подтекстом. Ты зашла слишком далеко. Ты потеряла объективность. Ты позволила личному окрасить профессиональное.

И она никогда не могла возразить, потому что это была правда.

– Расскажи мне ещё раз, – сказал Алекс неожиданно мягко, – что говорит уравнение. Я знаю, что ты мне уже объясняла, но... расскажи ещё раз. Может, я что-то упустил.

Она посмотрела на него долгим взглядом, пытаясь понять, искренен ли он. Решила, что да. Алекс мог быть скептиком, но он никогда не был нечестным.

– Уравнение Уилера-ДеВитта, – начала она, и её голос приобрёл тот лекционный тон, который когда-то делал её популярным преподавателем, – описывает волновую функцию всей Вселенной. Не отдельной частицы, не системы – *всего*. И ключевая особенность этого уравнения в том, что в нём нет переменной времени.

– Нет времени, – повторил Алекс. – Но мы же очевидно существуем во времени. Вот я сижу, потом встану, потом уйду домой. Последовательность.

– Именно. Мы *переживаем* время как последовательность. Но уравнение говорит, что на фундаментальном уровне – на уровне квантовой гравитации – времени не существует. То, что мы воспринимаем как «поток времени», это эмерджентный феномен. Иллюзия, возникающая из корреляций между подсистемами.

– Иллюзия. – Алекс покачал головой. – Лира, иллюзии не ощущаются так реально.

– Вот именно. – Она подалась вперёд. – Вот именно, Алекс. Иллюзия не должна ощущаться реальной – но она ощущается. Почему? Потому что наш мозг создаёт её. Каждую секунду, каждое мгновение – мозг конструирует переживание времени из чего-то, что временем не является. И эта конструкция записана в нейронных структурах.

– Капсулы времени.

– Капсулы времени. – Лира указала на экран, где всё ещё застыла карта мозга Маркуса. – Барбур называл их так: конфигурации, содержащие внутренние структуры, которые выглядят как записи прошлого. Морщины на лице – запись старения. Геологические слои – запись истории Земли. А нейронные связи в гиппокампе и энторинальной коре – записи, создающие ощущение автобиографии, личной истории, линейного движения от рождения к смерти.

– Но это не записи событий, которые произошли, – процитировал Алекс. Он читал её работы, она знала. – Это просто особенности текущей конфигурации.

– Да. – Лира почувствовала, как что-то внутри неё откликнулось – та странная смесь облегчения и боли, которая всегда сопровождала этот разговор. – Если Барбур прав – если уравнение Уилера-ДеВитта описывает реальность – то все конфигурации существуют вечно и одновременно. Нет прошлого, которое ушло. Нет будущего, которое ещё не наступило. Есть только... – Она замолчала.

– Вечный ландшафт, – закончил за неё Алекс. – Платония. Все возможные состояния Вселенной, существующие разом.

– Все моменты, – поправила Лира. – Каждый момент, который когда-либо был или будет переживаться любым сознанием – он существует. Не существовал, не будет существовать. *Существует*. Сейчас. Всегда.

Тишина повисла между ними – плотная, весомая. За окном зажглись ещё несколько огней. Где-то внизу прошумел поезд метро.

– И сегодня, – сказал Алекс наконец, – ты думаешь, что Маркус... что? Увидел эту вечность?

– Нет. – Лира покачала головой. – Нет, он не увидел. Он почувствовал, что два момента существуют одинаково реально. Это намного меньше. Это даже не намёк. Но это... – Она снова замолчала.

– Направление, – подсказал Алекс.

– Да. Направление.

Он долго смотрел на неё, и она знала, что он видит. Не только коллегу, не только руководителя проекта. Женщину, которая пять лет назад потеряла семилетнюю дочь и с тех пор посвятила каждую свободную минуту доказательству того, что потеря – ошибка восприятия.

– Лира, – сказал он, и в его голосе не было осуждения, только усталое понимание, – даже если ты права. Даже если всё это работает. Это не вернёт её.

Она не ответила. Что тут отвечать?

Первые шаги. Нетвёрдые, покачивающиеся, с выражением абсолютной сосредоточенности на маленьком лице. Руки расставлены для баланса. Один шаг, второй, третий – и падение на подгузник, мягкое, без слёз, потому что Майя никогда не плакала от неудач, только от скуки.

Запах её волос после купания. Что-то сладкое, детское, невозможное воспроизвести искусственно, потому что это был не просто шампунь – это была она, её тело, её химия, её.

Последние дни. Больничная палата, белый свет, писк мониторов. Рука – такая маленькая, такая холодная – в её руке. «Мама, почему тебе грустно? Я же никуда не ухожу».

Ты уходила. Ты ушла. И я не смогла тебя удержать.

– Я знаю, что это не вернёт её, – сказала Лира наконец, и её голос был ровным, потому что она научилась делать его ровным. – Я не пытаюсь её вернуть. Я пытаюсь доказать, что она не ушла.

Алекс открыл рот, закрыл. Снова открыл.

– Это не одно и то же?

– Нет. – Она покачала головой. – Нет, Алекс. Это совсем не одно и то же.

Дорога домой заняла сорок минут – пробки на мосту через озеро Вашингтон, как всегда в это время. Лира сидела за рулём, не включая музыку, не слушая подкасты, просто глядя на красные огни впереди и пытаясь не думать.

Не думать было сложно. Думать – профессиональная деформация.

За пять лет после смерти Майи она выработала систему. Работа занимала дни – эксперименты, статьи, заявки на гранты, руководство лабораторией. Вечера принадлежали чтению: физика, философия, нейронауки, всё, что касалось времени и его природы. Ночи были для сна, хотя бы четыре часа, потому что меньше – и начинаются галлюцинации, а больше – и начинаются сны.

Снов она боялась больше галлюцинаций.

Система работала. Не идеально – идеально ничего не работало с тех пор – но достаточно. Достаточно, чтобы функционировать. Достаточно, чтобы публиковаться. Достаточно, чтобы Дэвид не смотрел на неё тем взглядом, который означал «может, стоит поговорить с кем-нибудь».

Дэвид.

Она свернула на их улицу – тихий район на Квин-Энн-Хилл, старые дома с большими верандами, деревья, которые летом давали тень, а зимой стояли голыми чёрными скелетами. Их дом был третьим справа – двухэтажный, выкрашенный в серый цвет с белыми наличниками, с качелями на веранде, которые никто не использовал уже пять лет.

Качели были её идеей. После рождения Майи она представляла, как будет сидеть там летними вечерами, держа на коленях дочь, рассказывая ей о звёздах. Майя любила звёзды. Любила задавать вопросы, на которые Лира не знала ответов.

«Мама, а что за звёздами?»

«Другие звёзды, милая.»

«А за теми?»

«Ещё больше звёзд. Вселенная очень большая.»

«А если долго-долго лететь, можно долететь до конца?»

«Нет, солнышко. У вселенной нет конца.»

«Совсем-совсем нет? Даже маленького?»

Лира припарковалась, но не сразу вышла из машины. Несколько минут она просто сидела, глядя на дом. Внутри горел свет – на кухне, судя по цвету. Дэвид готовил ужин. Он всегда готовил ужин, когда она работала допоздна.

Раньше они готовили вместе. Раньше.

Она вышла из машины. Холодный ветер с залива ударил в лицо, и она на мгновение прикрыла глаза, позволяя ему прояснить мысли. Потом пошла к дому.

Дэвид встретил её в прихожей – высокий, широкоплечий, с тем спокойным выражением лица, которое она когда-то любила за надёжность, а теперь иногда принимала за равнодушие. На нём был передник – старый, выцветший, с надписью «Главный по макаронам» – подарок Майи на День отца, когда ей было пять.

– Привет, – сказал он. – Как эксперимент?

– Интересно. – Она повесила пальто, стараясь не смотреть на передник. – Неожиданные результаты.

– Хорошие неожиданные?

– Не знаю пока.

Стандартный обмен репликами. Они давно научились этому языку – достаточно слов, чтобы обозначить присутствие, недостаточно, чтобы начать настоящий разговор. Настоящие разговоры были опасны. В них можно было заблудиться.

– Ужин через десять минут, – сказал Дэвид. – Паста с томатным соусом. Ничего сложного.

Она кивнула и пошла вверх – переодеться, умыться, дать себе несколько минут перед тем, как снова стать женой. В ванной она посмотрела на себя в зеркало и увидела то, что видела каждый день: сорокадвухлетняя женщина с тёмными волосами, начинающими седеть у висков, с морщинами вокруг глаз, которых не было пять лет назад, с взглядом, который коллеги называли «интенсивным», а бывшие друзья – «отсутствующим».

Капсулы времени, подумала она. *Морщины* – запись старения. *Седина* – запись стресса. *Лицо* – документ всего, что произошло.

Она ополоснула лицо холодной водой и спустилась вниз.

Ужин прошёл в молчании – не напряжённом, просто привычном. Дэвид рассказал о проекте, над которым работал: жилой комплекс на набережной, сложный фундамент, проблемы с подрядчиками. Лира слушала, кивала в нужных местах, задавала вопросы, которые показывали, что она следит за разговором.

Она не следила.

Её мысли были в лаборатории, с Маркусом Ковальски, с паттерном активации, который всё ещё стоял перед глазами. «Одновременно», сказал он. «Оба момента существуют одинаково». Субъективный отчёт – ненадёжный источник данных. Алекс прав. И всё же.

– Лира?

Она вздрогнула. Дэвид смотрел на неё – не с раздражением, с чем-то более усталым.

– Прости. Задумалась.

– Я заметил. – Он отложил вилку. – Спросил, хочешь ли ты ещё вина.

– Нет. Нет, спасибо.

Снова молчание. На этот раз – напряжённое.

– Лира, – сказал он, и что-то в его голосе заставило её посмотреть на него по-настоящему, – сегодня годовщина.

Она знала. Конечно, она знала. Пять лет. Два месяца. Четырнадцать дней. Она считала – не потому что хотела, потому что не могла остановиться.

– Я помню, – сказала она.

– Ты ушла на работу в шесть утра.

– Эксперимент нельзя было перенести.

– Эксперимент всегда можно перенести.

Она не ответила. Что тут ответить?

Дэвид смотрел на неё – долго, пристально, как будто пытаясь найти в её лице что-то, что потерялось годы назад.

– Иногда мне кажется, – сказал он наконец, – что ты специально заполняешь каждую минуту. Работой, исследованиями, чем угодно. Лишь бы не осталось места для... – Он не закончил.

– Для чего?

– Для горя. – Пауза. – Для нас.

Лира положила вилку. Аккуратно, параллельно краю тарелки. Маленький контроль, когда большой невозможен.

– Ты думаешь, что я не горюю?

– Я думаю, что ты горюешь по-своему. И я думаю, что твой способ... – Он снова замолчал, подбирая слова. Дэвид никогда не был хорош со словами. Он строил здания, не предложения. – Я думаю, что ты пытаешься всё объяснить. Превратить это в задачу, которую можно решить. И я понимаю. Правда понимаю. Но иногда... – Его голос дрогнул, совсем немного. – Иногда я чувствую, что потерял вас обоих.

Тишина.

За окном прошла машина – свет фар скользнул по потолку и исчез. Где-то по соседству залаяла собака.

– Дэвид...

– Не надо. – Он покачал головой. – Не надо ничего говорить. Я не жалуясь. Просто... – Он встал, собрал тарелки. – Просто иногда хочется, чтобы ты была здесь. Не на работе, не в своих исследованиях. Здесь, со мной. Хотя бы иногда.

Он ушёл на кухню, и она слышала, как течёт вода, как звенят тарелки в раковине, как открывается и закрывается посудомоечная машина. Обычные звуки. Звуки жизни, которая продолжается, несмотря ни на что.

Я здесь, хотела она сказать. Я всегда здесь. Просто «здесь» – это не то место, где я хочу быть.

Но она не сказала. Что толку от слов, которые ничего не меняют?

Позже, когда Дэвид уже спал – или притворялся, что спит, – Лира сидела в своём кабинете, глядя на экран ноутбука. Данные сегодняшнего эксперимента были открыты в нескольких окнах: нейронные карты, временные ряды активации, статистический анализ. Но смотрела она не на них.

Она смотрела на фотографию в углу экрана – маленькую, почти незаметную, иконку файла, который она никогда не открывала и никогда не удаляла. Майя на пляже, трёхлетняя, с ведёрком в руках, смеющаяся чему-то за кадром.

Если уравнение верно, думала Лира, если Барбур прав – этот момент существует. Не существовал – существует. Сейчас, в эту секунду, где-то в структуре реальности трёхлетняя девочка стоит на пляже с ведёрком и смеётся. И будет стоять всегда. И уже стояла всегда – до того, как родилась, до того, как Вселенная началась, потому что «до» и «после» – иллюзии, и в настоящей реальности всё сосуществует, и ничто не уходит, и...

Она закрыла глаза.

Нет. Это не наука. Это утешение. Ты ищешь утешения в математике, потому что не можешь найти его нигде больше.

Алекс был прав. Даже если всё это правда – это не вернёт её.

Но.

Но.

Маркус Ковальски почувствовал два момента одновременно. Субъективный отчёт – ненадёжный источник, но паттерн активации был объективным. Что-то произошло в его мозге. Что-то новое.

Что-то, что можно повторить.

Лира открыла глаза и посмотрела на данные – по-настоящему, профессионально, отбросив всё личное. Фрактальная структура активации. Резонанс между темпоральными капсулами. Каскадное распространение в префронтальные области. Это не было артефактом. Это было слишком упорядоченно, слишком специфично.

Маркус – здоровый мужчина, без особых эмоциональных привязанностей к конкретным воспоминаниям. Его кухня три недели назад – случайный выбор, нейтральный момент. И всё равно он почувствовал «одновременность».

Что произойдёт, если взять субъекта с другим профилем? Кого-то с интенсивной эмоциональной связью с конкретным воспоминанием? Кого-то, чья нейронная архитектура уже сформирована вокруг определённых моментов, отполирована годами возвращения к одним и тем же образам?

Что произойдёт, если субъектом стану я?

Мысль возникла без предупреждения – чёткая, оформленная, неизбежная. Лира смотрела на неё, как на уравнение на доске, оценивая переменные.

За: её мозг – идеальный инструмент для этого эксперимента. Годы тренировки в вызывании конкретных воспоминаний, нейронные пути, укрепленные бесконечным повторением. Если кто-то способен достичь более глубокого эффекта, это она.

Против: объективность. Как можно быть исследователем и субъектом одновременно? Как отделить реальный опыт от проекции желаемого?

За: Алекс может контролировать эксперимент. Данные будут объективными, даже если опыт – нет.

Против: этика. Комиссия никогда не одобрит эксперимент на руководителе проекта.

За: некоторые открытия делаются не благодаря протоколам, а вопреки им.

Против...

Против чего? Против того, что это может не сработать и ты потеряешь последнюю надежду? Или против того, что это может сработать – и тогда что?

Она не знала. Она была учёным – она привыкла не знать. Привыкла формулировать гипотезы, проверять их, отбрасывать или принимать в зависимости от данных. Но это была другая неизвестность. Более глубокая. Более личная.

Если это работает, подумала она, если я смогу почувствовать то, что почувствовал Маркус – одновременность, равную реальность двух моментов – это изменит всё. Не вернёт Майю. Но, может быть, покажет, что она не ушла. Что «уходить» – вообще невозможно, потому что нет такой вещи, как «раньше» и «потом», есть только «всегда».

А если не работает?

Тогда я буду знать. Тогда я смогу перестать искать.

Она не знала, что хуже.

Ночь перетекала в раннее утро – медленно, незаметно, как ей и положено. Лира не заметила, когда небо за окном начало сереть. Она сидела в том же кресле, с тем же ноутбуком на коленях, и смотрела на данные, которые давно выучила наизусть.

В голове было пусто – та особая пустота, которая наступает после долгих часов напряжённого думания. Решение было принято. Не сейчас – раньше, может быть, годы назад, когда она впервые прочитала о Платонии Барбура и поняла, что это единственная концепция, которая имеет смысл. Сегодняшний эксперимент просто подтвердил то, что она уже знала.

Завтра она скажет Алексу. Он будет против – разумеется, он будет против, он всегда против всего, что выходит за рамки протокола. Но он согласится. Он согласится, потому что, как бы он ни возражал, он понимает. Он видел паттерн активации. Он знает, что это может значить.

Завтра она станет субъектом.

Лира закрыла ноутбук и встала. Кости хрустнули – напоминание о том, что ей не двадцать и не тридцать, что тело начинает предъявлять счета за все эти ночи без сна, за все эти часы в одной позе, за все эти годы, когда она забывала есть, потому что еда казалась неважной по сравнению с работой.

Капсулы времени, подумала она снова. Морщины, седина, хруст в коленях – записи. Документы. Следы того, что произошло. Но произошло – не значит прошло. Если уравнение верно, все эти записи существуют одновременно со всем остальным: с молодостью, с болью, с радостью, с...

С ней.

Она подошла к окну. Сиэтл просыпался – медленно, неохотно, как и положено городу, привыкшему к серым утрам. Первые машины появились на улицах. Где-то вдалеке загудел паром.

Это не вернёт её, сказал Алекс.

Он был прав. Но он также был неправ.

Вернуть – значит переместить из одного момента в другой. Из прошлого в настоящее. А Лира больше не верила в прошлое и настоящее. Не верила в перемещение. Верила только в одно: в то, что всё существует, что ничто не уходит, что смерть – ошибка восприятия, сбой в программе, которую можно переписать.

И завтра она начнёт переписывать.

Утро пришло слишком быстро. Лира проснулась в кресле – она так и не дошла до кровати – от звука шагов на кухне. Дэвид готовил завтрак. Запах кофе и яичницы просачивался под дверь кабинета.

Она встала, размяла затёкшие мышцы. Голова была тяжёлой, но мысли – ясными. Так бывало после бессонных ночей, когда усталость переходила какую-то границу и превращалась в странную, почти болезненную чёткость.

Дэвид уже сидел за столом, когда она спустилась. Тарелка с яичницей, кружка кофе, планшет с новостями. Обычное утро. Обычная жизнь.

– Не спала? – спросил он, не отрываясь от экрана.

– Работала.

– Всю ночь?

– Были данные, которые нужно было проанализировать.

Он посмотрел на неё – коротким взглядом, в котором было что-то вроде смирения.

– Завтракать будешь?

– Кофе.

– Лира, тебе нужно есть.

– Я поем в лаборатории.

Он не стал спорить. Он давно не спорил.

Она взяла кофе – чёрный, без сахара, как всегда – и села напротив него. За окном начался дождь, мелкий, типичный для Сиэтла.

– Вчера, – сказала она, – ты сказал, что иногда чувствуешь, будто потерял нас обоих.

Дэвид отложил планшет.

– Сказал.

– Ты был прав. – Она посмотрела в кружку, на чёрную поверхность с редкими пузырьками. – Я не знаю, как быть другой. Не знаю, как... перестать искать. Но я хочу, чтобы ты знал: я здесь. Может, не так, как раньше. Может, не так, как тебе нужно. Но я здесь.

Он долго молчал. Потом протянул руку через стол и накрыл её ладонь своей – большой, тёплой, надёжной.

– Я знаю, – сказал он. – Я просто... иногда забываю.

Она кивнула. Слова были неловкими, недостаточными – но это было больше, чем они сказали друг другу за последние месяцы.

– Мне нужно идти, – сказала она через минуту. – Сегодня важный день.

– Эксперимент?

– Да.

Он не стал спрашивать подробности. Он никогда не спрашивал. Может быть, потому что не понял бы ответов. Может быть, потому что боялся понять.

Лира встала, допила кофе одним глотком. На пороге кухни она остановилась.

– Дэвид.

– Да?

– Я люблю тебя.

Она сказала это не потому, что чувствовала – чувства давно стали чем-то далёким, приглушённым, как звук за толстым стеклом. Она сказала это потому, что это было правдой. Когда-то. И эта правда всё ещё существовала – где-то в структуре реальности, в той конфигурации, где она была молодой женщиной, влюблённой в архитектора с добрыми глазами, и ничего плохого ещё не произошло.

– Я тоже, – сказал он. – Я тоже тебя люблю.

И это тоже было правдой. Когда-то. Может быть, даже сейчас.

Дорога до института заняла меньше обычного – дождь разогнал пробки. Лира припарковалась на своём обычном месте, прошла через вестибюль, кивнула охраннику, поднялась на четвёртый этаж. Коридоры были пусты – ещё рано, большинство сотрудников приходили к девяти.

Алекс уже был в лаборатории. Разумеется. Он всегда приходил раньше неё.

– Ты выглядишь ужасно, – сказал он вместо приветствия.

– Спасибо. Ты тоже.

– Я хотя бы спал. – Он протянул ей кружку кофе – той же марки, что и дома. – На, держи.

И скажи, что ты не собираешься делать то, о чём я думаю.

Лира взяла кружку, сделала глоток. Кофе был горячий, горький, идеальный.

– Зависит от того, о чём ты думаешь.

– Лира.

– Алекс.

Он смотрел на неё – долго, пристально, как будто пытаюсь найти аргумент, который ещё не использовал. Не нашёл.

– Ты же понимаешь, что это безумие?

– Понимаю.

– Ты понимаешь, что комиссия по этике никогда это не одобрит?

– Понимаю.

– Ты понимаешь, что я не должен тебе в этом помогать?

– Понимаю.

– И всё равно просишь?

– Не прошу. – Она поставила кружку на стол. – Информировать. Я буду субъектом сегодняшнего эксперимента. Ты можешь контролировать процесс или я найду кого-то другого.

Алекс снял очки, протёр их полкой халата – жест, который всегда означал, что он думает.

– Почему? – спросил он наконец. – Почему именно сейчас?

– Потому что вчера мы получили результаты, которые предполагают, что это возможно.

Потому что я единственный человек, чья нейронная архитектура подходит для этого эксперимента лучше, чем чья-либо ещё. – Она помолчала. – И потому что я больше не могу ждать.

– Ждать чего?

Доказательства. Подтверждения. Хоть чего-то.

– Ответа, – сказала она. – Любого ответа.

Алекс долго молчал. За окном дождь усиливался – капли барабанили по стеклу, как нетерпеливые пальцы.

– Если я откажусь, – сказал он наконец, – ты найдёшь кого-то другого. Кого-то менее осторожного. Кого-то, кто не знает тебя пять лет и не понимает, как далеко ты готова зайти.

– Да.

– И это будет опаснее.

– Вероятно.

– Значит, у меня нет выбора.

– У тебя есть выбор. – Она посмотрела ему в глаза. – Ты можешь уйти. Я не буду против.

Он покачал головой.

– Я три года участвовал в этом исследовании. Три года слушал твои теории о Платонии, о вневременной физике, о капсулах времени. Три года говорил, что это метафизика, не наука.

И за три года ни разу не ушёл. – Пауза. – Знаешь почему?

– Расскажи.

– Потому что я хочу, чтобы ты ошиблась. – Он усмехнулся – невесело, почти болезненно. – Я хочу, чтобы ты провела этот эксперимент и ничего не почувствовала. Хочу, чтобы паттерн активации оказался артефактом, субъективные отчёты – диссоциацией, а вся твоя теория – красивой, но неверной моделью. Потому что тогда ты сможешь перестать искать. Тогда ты сможешь начать жить. По-настоящему, а не так, как сейчас.

Лира не ответила. Она не знала, что сказать.

– Но если ты права, – продолжил Алекс, – если вся эта безумная конструкция из квантовой гравитации и нейрофизиологии окажется правдой... – Он замолчал.

– Если я права, – закончила она, – то всё изменится.

– Да. – Он надел очки. – Именно этого я и боюсь.

Подготовка к эксперименту заняла два часа.

Лира знала протокол наизусть – она разрабатывала его годы. Калибровка электродов, базовые измерения, проверка всех систем. Маркус Ковальски был первым, на ком всё работало по плану. Лира должна была стать вторым – или первой настоящей попыткой, если считать Маркуса пробным прогоном.

Она сидела в кресле, том самом, где вчера лежал Маркус, и смотрела на потолок лаборатории. Белые плитки, ряды ламп, датчики дыма. Обычный потолок. Через несколько минут она либо увидит что-то необычное, либо не увидит ничего.

– Готова? – спросил Алекс из-за стекла.

– Подожди.

Она закрыла глаза. Не для того, чтобы расслабиться – для того, чтобы сосредоточиться. Если теория верна, ключ к навигации – не абстрактная концентрация, а телесная память. Конкретные ощущения. Координаты момента.

Первые шаги.

Она позволила образу всплыть – не торопя, не направляя, просто открывая для него пространство. И он пришёл, как приходил тысячи раз за эти годы.

Гостиная их старой квартиры, ещё до переезда в дом. Солнечный свет через жалюзи, полосы на полу. Майя – одиннадцать месяцев – стоит у кофейного столика, держась обеими руками за край. Её лицо серьёзно, сосредоточенно, как у человека, решающего сложную задачу.

Она отпускает столик. Одной рукой, потом другой. Стоит – покачиваясь, балансируя, с расставленными руками.

Один шаг.

Лира помнит, как перестала дышать. Помнит тёплый пол под босыми ногами – они с Дэвидом сидели на ковре, на расстоянии вытянутых рук, готовые подхватить. Помнит запах кофе из кухни, потому что Дэвид забыл выключить кофеварку. Помнит солнечное тепло на левой щеке.

Второй шаг.

Майя не улыбается. Она работает. Это не игра для неё – это проект. Важный проект.

Третий шаг – и падение. Мягкое, на подгузник. Никаких слёз. Только сжатые губы и немедленная попытка встать снова.

И Лира помнит, как подумала тогда: «Она похожа на меня. Упрямая. Не сдаётся».

– Лира? – Голос Алекса. Далёкий, как из другой комнаты.

– Ещё минуту.

Она держала образ – не образ даже, а ощущения. Тёплый пол. Запах кофе. Солнце на щеке. Маленькая фигура посреди комнаты, борющаяся с гравитацией.

Это не воспоминание, подумала она. Это не «было». Если уравнение верно – это «есть». Прямо сейчас, в какой-то точке Платонии, моя дочь делает свои первые шаги. И будет делать их всегда.

– Готова, – сказала она вслух.

– Начинаю базовую стимуляцию. Двести микроампер.

Она ничего не почувствовала – ни боли, ни покалывания. Электроды были слишком тонкими, стимуляция – слишком точечной. Только лёгкое головокружение, как бывает, когда слишком резко встаёшь.

– Двести двадцать.

Головокружение усилилось. Что-то изменилось в восприятии – не резко, а постепенно, как глаза привыкают к темноте. Лира смотрела на потолок, и потолок был тем же, но казался... тоньше? Слово за белыми плитками было что-то ещё.

– Двести сорок.

Первые шаги. Тёплый пол. Запах кофе.

Образ стал ярче. Не в зрительном смысле – в каком-то другом, для которого она не знала слов. Как будто воспоминание приобретало вес, плотность, становилось чем-то большим, чем набор нейронных связей.

– Лира, твои показатели... – Голос Алекса напрягся. – Паттерн активации нетипичный. Хочу приостановить.

– Нет. – Она не открыла глаз. – Продолжай.

– Лира...

– Продолжай.

Пауза. Потом:

– Двести шестьдесят.

И тогда это произошло.

Не резко. Не как вспышка или разрыв. Скорее как... смена фокуса. Когда смотришь на стереокартинку и вдруг видишь трёхмерное изображение, которое было там всегда – просто ты смотрел неправильно.

Лира была в лаборатории. Она чувствовала кресло под собой, слышала гудение оборудования.

И одновременно – одновременно, не поочерёдно – она была там. В гостиной старой квартиры. Тёплый пол под ногами. Солнце на щеке. Запах кофе.

Майя стоит у столика. Отпускает руки. Делает шаг.

Лира открыла глаза – и оба места существовали. Потолок лаборатории и полосы света через жалюзи. Голос Алекса и тишина утренней квартиры. Не наложенные друг на друга. Не смешанные. Просто – равно реальные. Равно присутствующие.

– Лира! – Голос Алекса был громким, встревоженным. – Твоё сердцебиение... показатели... ты меня слышишь?

– Слышу, – сказала она. И её голос прозвучал странно – как будто одновременно из двух мест.

– Что ты чувствуешь?

Она хотела ответить. Хотела найти слова, которые передадут это – невозможность, которая стала возможной, два момента, существующих разом, потолок и солнечный свет, здесь и там.

Но вместо этого она сказала:

– Алекс.

– Да?

– Она делает первые шаги. Прямо сейчас. Она делает первые шаги.

И впервые за пять лет Лира Чэнь заплакала.

Они прервали эксперимент.

Алекс настоял – показатели были слишком странными, слишком отличались от всего, что они видели раньше. «Нам нужно проанализировать данные, прежде чем продолжать», сказал он. «Нам нужно понять, что произошло».

Лири не спорила. Не потому что согласилась, а потому что не могла говорить.

Она сидела в своём кабинете – одна, в темноте, не зажигая свет. За окном снова шёл дождь. На экране компьютера застыли данные эксперимента, но она не смотрела на них.

Она смотрела внутрь.

То, что она почувствовала там, в кресле – оно не исчезло полностью. Как послевкусие, как эхо. Два момента, существующих одновременно. Потолок лаборатории и солнечный свет старой квартиры. Она сама, сорокадвухлетняя, усталая, потерявшая всё – и она же, тридцатидвухлетняя, счастливая, не знающая, что впереди.

Это не было воспоминанием, поняла она. Это было... присутствием. Я была там. По-настоящему.

И если она была там по-настоящему – значит, это возможно. Значит, теория верна. Значит...

Значит, Майя существует. Не «существовала». Существует.

Где-то в структуре реальности маленькая девочка делает свои первые шаги. И будет делать их всегда. И уже делала их всегда – до того, как Лири родилась, до того, как началась Вселенная, потому что времени нет, есть только вечный ландшафт, и в этом ландшафте...

В этом ландшафте она жива.

Лири закрыла глаза.

Первые шаги. Запах детского шампуня. Последние дни в больнице.

Все эти моменты существуют. Все. И, может быть, если она научится... если она сможет...

Она может навигировать.

Мысль была ясной, чёткой, неизбежной. Как математическое доказательство, которое разворачивается перед глазами, шаг за шагом, и ты видишь, что каждый шаг логичен, каждый вывод следует из предыдущего.

Если два момента могут существовать одновременно в восприятии – значит, восприятие способно охватывать более одного момента. Если восприятие способно охватывать более одного момента – значит, его можно направлять. Сознание не создаёт моменты – оно освещает их, как прожектор, скользящий по уже существующей скульптуре.

И если научиться управлять этим прожектором...

Я смогу быть с ней.

Не вернуть. Не воскресить. Просто – быть рядом. В тех моментах, где она существует. В тех конфигурациях Платонии, где маленькая девочка с упрямым характером и тихим юмором смеётся, или плачет, или задаёт вопросы о звёздах.

Я смогу быть с ней всегда.

Лири открыла глаза.

Дверь кабинета открылась – Алекс, разумеется. Он вошёл без стука, включил свет. Лири моргнула от резкого перехода.

– Данные, – сказал он, садясь напротив. – Я их просмотрел.

– И?

– И они... – Он замолчал. Снял очки, протёр их. Надел снова. – Они невозможны.

– В каком смысле?

– В смысле, что паттерн активации, который мы наблюдали – его не должно существовать. Согласно всему, что мы знаем о нейрофизиологии, он не может возникнуть спонтанно. Он слишком упорядочен, слишком специфичен. Это как... – Он подбирал слова. – Это как если бы кто-то открыл дверь, о которой мы не знали.

– Дверь куда?

Алекс долго смотрел на неё. Его лицо было странным – не испуганным, не взволнованным. Почти благоговейным.

– Я не знаю, – сказал он наконец. – Но я хочу узнать.

Лира кивнула. Слова не нужны были.

– Завтра, – сказала она. – Завтра мы продолжим.

– Лира...

– Я знаю все аргументы. – Она подняла руку, останавливая его. – Знаю про риски, про протоколы, про всё. Но то, что я почувствовала сегодня... – Она замолчала, пытаясь найти правильные слова. – Алекс, я была там. По-настоящему. Не помнила – была. Два момента одновременно. И если это возможно на такой низкой интенсивности, если это возможно с таким минимальным воздействием...

– То на более высокой интенсивности эффект будет сильнее.

– Да.

– И ты хочешь проверить.

– Да.

Он молчал долго. За окном дождь стучал по стеклу. Где-то в здании хлопнула дверь.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Завтра. Но я увеличу мониторинг. И при первых признаках опасности – мы останавливаемся. Без дискуссий.

– Без дискуссий, – согласилась она.

Он встал, направился к двери. На пороге остановился.

– Лира.

– Да?

– Что ты видела? Там, когда... когда это произошло?

Она посмотрела на него – долгим, открытым взглядом.

– Свою дочь, – сказала она. – Я видела свою дочь.

Он кивнул. И ушёл, тихо закрыв за собой дверь.

Лира осталась одна.

Она сидела в темноте – не включая свет обратно – и думала. Не о данных, не о теории, не о завтрашнем эксперименте. О Майе.

Последние дни в больнице.

Она позволила воспоминанию прийти – целиком, без фильтров, без защитных механизмов, которые обычно смягчали края.

Белая палата. Запах антисептика и чего-то ещё – того сладковатого, тяжёлого запаха, который она научилась ассоциировать с концом. Писк мониторов, ритмичный, как метроном.

Майя в постели – маленькая, бледная, с трубками и проводами, уходящими в её тело. Глаза закрыты. Дыхание неглубокое.

Лира держит её за руку. Холодная кожа. Тонкие пальцы – те самые, что сжимали ведёрко на пляже, те самые, что рисовали солнышки в углу каждой картинке, те самые, что обнимали её за шею перед сном.

«Мама, почему тебе грустно?»

Майя открыла глаза. Они были ясными – неестественно ясными для человека, который уже несколько дней не приходил в сознание.

«Потому что я тебя люблю», – сказала Лира. И это была правда, хотя и неполная.

Майя улыбнулась. Слабо, но улыбнулась.

«Не грусти. Я же никуда не ухожу».

«Солнышко...»

«Правда. Я буду всегда. Везде. Ты просто... забудешь иногда. Но я буду».

И Лира хотела спросить – откуда ты знаешь? Как ты можешь так говорить? Ты же умираешь, моя девочка, ты уходишь, и я не могу тебя удержать, и...

Но Майя снова закрыла глаза. И через три дня её не стало.

Лира сидела в темноте и плакала. Беззвучно, как научилась за пять лет. Слезы стекали по щекам, капали на халат, и она не пыталась их остановить.

«Я буду всегда. Везде».

Семилетний ребёнок, умирающий от лейкемии. Откуда она могла знать?

Ниоткуда, сказала бы рациональная часть Леры. Это был бред. Галлюцинация. Мозг, затуманенный лекарствами и близостью конца. Не нужно искать смысл там, где его нет.

Но другая часть – та, что сегодня почувствовала два момента одновременно, та, что видела солнечный свет и потолок разом – эта часть шептала что-то иное.

Что если она знала?

Что если дети видят то, что взрослые забывают? Что если умирающие видят то, что живые не могут?

Что если она была права?

Лира вытерла лицо. Включила компьютер. Открыла файл с данными эксперимента.

Паттерн активации смотрел на неё с экрана – фрактальная структура, похожая на снежинку или на мандалу. Невозможный паттерн. Паттерн, которого не должно существовать.

Но он существовал.

Завтра, подумала она. Завтра я узнаю.

И впервые за пять лет это была не надежда. Это была уверенность.

Дома было темно – Дэвид уже спал. Лира тихо прошла по коридору, стараясь не шуметь. Остановилась у двери в спальню Майи.

Они не трогали её комнату. Не потому что не могли – потому что не хотели. Дэвид предлагал, пару раз, в первый год: может, стоит разобрать вещи? Сделать там кабинет или гостевую? Лира отказывалась. И он не настаивал.

Сейчас она открыла дверь и вошла.

Лунный свет пробивался сквозь занавески – те самые, с мультяшными звёздами, которые Майя выбрала сама. Кровать была застелена, как пять лет назад. На полке стояли книжки. На стене висели рисунки – солнышки, домики, семья: мама, папа, я.

Лира подошла к столу. Там лежал альбом – последний, в который Майя рисовала в больнице. Она открыла его.

Дом с садом. Небо зелёное, трава фиолетовая.

«Почему небо зелёное?»

«Потому что я так вижу».

Лира долго смотрела на рисунок. Потом закрыла альбом и положила обратно.

Ты была права, подумала она. Ты никуда не ушла. Ты просто... там, где я не могу тебя видеть. Пока не могу.

Но завтра я научусь.

Она вышла из комнаты, тихо прикрыв дверь. Прошла в спальню, где Дэвид спал на своей половине кровати – как спал последние пять лет, оставляя её половину свободной даже тогда, когда она приходила за полночь или не приходила вовсе.

Она легла рядом с ним. Не раздеваясь, не укрываясь. Просто легла, глядя в потолок.

Он пошевелился. Не проснулся – или сделал вид, что не проснулся.

– Дэвид, – прошептала она.

Тишина.

– Завтра я сделаю что-то важное. Я не могу тебе рассказать что. Но я хочу, чтобы ты знал... я делаю это не для того, чтобы убежать. Я делаю это, чтобы вернуться.

Он не ответил. Но его рука – медленно, как во сне – нашла её руку и сжала. Не сильно. Просто дала знать, что он здесь.

Я вернусь, подумала она. *Может, не такой, как раньше. Но я вернусь.*

И в первый раз за пять лет – она поверила собственным словам.

Сон не шёл.

Лира лежала в темноте, слушая дыхание Дэвида, и думала о завтрашнем дне. Эксперимент. Электроды. Двести шестьдесят микроампер – и выше. Что она увидит? Что почувствует?

Сегодня это были первые шаги. Один момент из прошлого – яркий, живой, присутствующий. Но если увеличить интенсивность... если научиться контролировать...

Все моменты.

Первая улыбка. Первое слово – «мама», конечно, как у всех детей, но это было её «мама», произнесённое её голосом, с её выражением лица. Первый день в детском саду – Майя не плакала, только оглянулась у двери и помахала. Первый рисунок – солнышко с лучами-спицами и мама с огромными глазами.

Все эти моменты существуют. Если теория верна – они не прошли, не исчезли. Они есть. Вечно.

И момент смерти тоже существует.

Лира почувствовала, как холод пробежал по позвоночнику. Она не думала об этом раньше – или не позволяла себе думать. Если все моменты существуют вечно, то вечно существует и тот момент. Белая палата. Писк мониторов. Рука, которая перестаёт сжимать.

Но я не была там, вспомнила она. *Я была в коридоре. Разговаривала с врачом.*

Она не видела момент смерти. Когда вошла в палату, всё уже закончилось.

Это важно, подумала она. *Почему это важно?*

Она не знала. Но что-то внутри неё – то самое что-то, которое вело её все эти годы – подсказывало, что это будет иметь значение. Позже.

Сейчас – только завтрашний день. Только следующий шаг.

Лира закрыла глаза и попыталась уснуть. Через час – или два, она потеряла счёт – ей это удалось.

Утро пришло серым и тихим.

Лира проснулась первой – как всегда. Дэвид ещё спал, повернувшись к стене. Она осторожно встала, стараясь не потревожить его.

В ванной она посмотрела на себя в зеркало. Те же морщины, та же седина, тот же взгляд. Но что-то изменилось – что-то в глубине глаз, что-то в том, как она держала голову. Как будто груз, который она несла пять лет, стал легче. Или как будто появилась надежда – не слепая, не иррациональная, а основанная на чём-то реальном.

Сегодня, подумала она.

Сегодня она узнает.

Она приняла душ, оделась, спустилась на кухню. Сварила кофе – чёрный, без сахара. Не потому что хотела есть – потому что тело требовало. Тело всегда требовало, даже когда разум был где-то далеко.

Дэвид спустился, когда она уже собиралась уходить.

– Рано, – сказал он, и это не было вопросом.

– Работа.

– Опять весь день?

– Возможно.

Он кивнул. Подошёл к кофеварке, налил себе чашку. Обычное утро. Обычные слова.

– Вчера ночью, – сказал он, не оборачиваясь, – ты что-то сказала. Насчёт того, что делаешь это, чтобы вернуться.

Лира замерла у двери.

– Ты слышал.

– Слышал. – Он повернулся к ней. – Я не понимаю, что ты имела в виду. Но... – Он замолчал. – Лира, что бы это ни было... будь осторожна. Ладно?

Она смотрела на него – на человека, с которым прожила пятнадцать лет, с которым потеряла дочь, от которого отдалилась так далеко, что иногда забывала его лицо. И впервые за долгое время она увидела его – по-настоящему. Морщины вокруг глаз. Седина в волосах. Усталость, которую он носил так же, как она.

– Буду, – сказала она.

И ушла, не оглядываясь.

В лаборатории её уже ждал Алекс.

Он стоял у оборудования – проверял настройки, как делал это сотни раз. Но что-то было другим в его позе, в том, как он двигался. Напряжение, которого не было вчера.

– Готова? – спросил он.

– Готова.

Она села в кресло. Откинулась назад. Закрыла глаза.

Первые шаги. Тёплый пол. Запах кофе.

Образ пришёл легко – легче, чем раньше. Как будто дорожка была протоптана, и теперь оставалось только идти по ней.

– Начинаю, – сказал Алекс.

И всё началось снова.

Глава 2: Стекло

Двести восемьдесят микроампер.

Лира чувствовала их – не как боль, не как покалывание, а как присутствие. Словно кто-то осторожно касался внутренней стороны её черепа невидимыми пальцами, нащупывая что-то, чему она не знала названия.

– Показатели стабильны, – голос Алекса доносился издалека, приглушённый, как сквозь воду. – Лира, как ты себя чувствуешь?

Она хотела ответить, но слова казались неуместными. Слова принадлежали одному миру, а она уже была на границе двух.

Первые шаги. Тёплый пол. Запах кофе.

Образ держался – не как воспоминание, а как реальность. Она чувствовала солнечный свет на левой щеке, хотя лежала в кресле под люминесцентными лампами. Чувствовала мягкость ковра под босыми ногами, хотя на ней были лабораторные тапочки. Два набора ощущений существовали одновременно, не конфликтуя, не смешиваясь – просто сосуществуя, как две ноты в аккорде.

– Лира?

– Я здесь, – сказала она, и её голос прозвучал странно – с эхом, которого не должно было быть. – Продолжай.

– Ты уверена? Паттерн активации...

– Продолжай.

Пауза. Потом:

– Триста микроампер.

И тогда что-то изменилось.

Не резко – постепенно, как рассвет. Лира смотрела на потолок лаборатории, и потолок был тем же: белые плитки, ряды ламп, датчики дыма. Но теперь она видела его иначе. Словно плитки были не конечной поверхностью, а окнами – и за ними было что-то ещё. Что-то огромное.

Стекло, подумала она. Мир стал стеклянным.

Это было точное описание. Всё вокруг – стены, оборудование, собственные руки – приобрело ту особую прозрачность, которая бывает у старого оконного стекла. Не невидимость. Просто... проницаемость. Как будто реальность была тонкой плёнкой поверх чего-то более глубокого, и эта плёнка начинала истончаться.

– Алекс, – сказала она, и её голос дрожал, но не от страха – от чего-то похожего на благоговение, – ты это видишь?

– Вижу что? – В его голосе была тревога. – Лира, твои показатели... активация выходит за целевые структуры. Это не по протоколу.

– За какие структуры?

– Везде. – Пауза. – Она распространяется по всей коре. Это не должно... я хочу остановить.

– Нет. – Слово вырвалось прежде, чем она успела подумать. – Нет, Алекс. Не останавливай.

– Лира, это опасно. Я не знаю, что происходит, но...

– Именно поэтому не останавливай. – Она попыталась повернуть голову, чтобы посмотреть на него через стекло, но движение далось с трудом – тело казалось тяжёлым, как будто гравитация увеличилась. – Мы пять лет шли к этому моменту. Пять лет. Если остановимся сейчас...

– Если не остановимся, ты можешь...

– Что? – Она почти рассмеялась. – Умереть? Алекс, я умираю каждый день с тех пор, как потеряла её. Это, – она попыталась поднять руку, указать на что-то невидимое, – это первый раз за пять лет, когда я чувствую, что живу.

Тишина. Долгая, тяжёлая.

Потом:

– Триста двадцать микроампер.

Стекло становилось тоньше.

Лира лежала неподвижно, глядя в потолок, который больше не был потолком. Белые плитки всё ещё существовали – она могла их видеть, если сосредоточивалась, – но теперь они были лишь одним слоем из многих. За ними проступало что-то ещё. Что-то, чему она не могла подобрать названия.

Свет, подумала она. Нет, не свет. Структура.

Это было похоже на то, как если бы она всю жизнь смотрела на картину в музее – близко, лицом к холсту – и вдруг отступила на шаг. И ещё на шаг. И ещё. И увидела, что картина была лишь частью огромной мозаики, уходящей во все стороны до горизонта и за него.

Вкус металла появился на языке – резкий, электрический, как будто она лизнула батарею. Лира знала этот вкус. Читала о нём в отчётах людей, переживших удар молнии. Читала в описаниях эпилептических аур. Но никогда не чувствовала сама.

Это нормально, сказала себе она. Это предсказуемо. Стимуляция темпоральных структур может вызывать металлический привкус. Это просто нейрохимия.

Но она знала, что лжёт себе. Это было больше, чем нейрохимия. Это было что-то другое.

– Триста сорок, – голос Алекса. – Лира, я вижу каскадную активацию. Она распространяется в лобные доли. Это выходит за все модели.

– Опиши, – сказала она, и её голос звучал как чужой.

– Фрактальный паттерн. Похож на вчерашний, но... масштабнее. Намного масштабнее. Как будто... – Он замолчал.

– Как будто что?

– Как будто твой мозг пытается вместить что-то, для чего он не предназначен.

Да, подумала Лира. Именно так.

Она закрыла глаза – но темнота не пришла. Вместо неё было что-то другое: не свет и не тьма, а пространство. Огромное, структурированное пространство, в котором плавали... конфигурации. Другого слова она не могла подобрать. Замершие мгновения, застывшие капли реальности, каждая – целый мир, каждая – одно мгновение существования.

Платония, поняла она. Это Платония.

Не метафора. Не концепция. Реальность. Вечный ландшафт всех возможных состояний Вселенной, простирающийся во все стороны, не знающий прошлого и будущего, потому что прошлое и будущее были человеческими иллюзиями, а здесь – здесь было только *всегда*.

Запах озона ударил в ноздри – резкий, чистый, как перед грозой. Лира вдохнула его, и что-то внутри неё сместилось, как будто повернулся невидимый ключ.

Стекло треснуло.

Звук был странным – не физическим, не слуховым. Скорее – ощущением разрыва, как будто что-то натянутое наконец лопнуло. И вместе с этим разрывом пришла тишина.

Не просто отсутствие звука. Абсолютная, первозданная тишина – такая, какой не бывает в обычном мире, потому что в обычном мире всегда есть что-то: сердцебиение, дыхание, шум

крови в ушах. Здесь не было ничего. Или было всё – но всё одновременно, в одной точке, и поэтому звуки взаимоуничтожались, как волны в противофазе.

Ли́ра открыла глаза.
И увидела.

Галерея.

Она не знала, откуда пришло это слово – из какой-то глубины сознания, из того места, где хранились архетипы и первообразы. Но слово было точным. То, что она видела, было галереей – бесконечной, невозможной галереей застывших мгновений.

Они окружали её со всех сторон – не в трёхмерном пространстве, а в каком-то другом измерении, для которого человеческий мозг не имел представления. Моменты. Конфигурации. Капсулы времени, существующие вечно и одновременно.

Ли́ра смотрела – и видела себя.

Не одну себя. Тысячи. Миллионы. Бесконечность версий, расходящихся лучами от какой-то центральной точки, которая была *сейчас* – и одновременно не была нигде.

Вот она – восемнадцатилетняя, на выпускном вечере, в платье, которое мама выбирала три часа. Волосы уложены, глаза блестят, впереди – вся жизнь.

Вот она – двадцатипятилетняя, в лаборатории университета, склонившаяся над микроскопом. Первая научная публикация лежит на столе, ещё не открытая, ещё не прочитанная.

Вот она – тридцатидвухлетняя, в родильной палате, держащая на руках маленькое существо с закрытыми глазами и сжатыми кулачками. Существо, которое изменит всё.

Вот она – тридцатисемилетняя, в больничном коридоре, слушающая слова врача, которые не имеют смысла, потому что такие слова не могут иметь смысла, потому что мир не может быть таким жестоким.

Вот она – сейчас, сорокадвухлетняя, в кресле лаборатории, с электродами в голове и слезами на лице.

И вот она – в будущем? В возможности? Седая, старая, сидящая на веранде дома, которого ещё не существует, глядящая на закат, которого ещё не было.

Все эти версии существовали одновременно. Все были реальны. Ни одна не была «прошлым» или «будущим» – все были *сейчас*, в разных точках вечного ландшафта.

Барбур был прав, подумала Ли́ра, и мысль казалась спокойной, почти отстранённой, хотя где-то глубоко внутри неё что-то кричало от ужаса и восторга. *Время – иллюзия. Всё существует вечно.*

Майя существует.

Эта мысль пронзила её как электрический разряд.

Майя существует.

Ли́ра начала искать – не глазами, глаза были бесполезны в этом месте, – а чем-то другим, каким-то новым органом восприятия, который, казалось, всегда был у неё, просто она не знала, как им пользоваться.

Галерея отозвалась на её намерение. Конфигурации сдвинулись, перегруппировались, и среди бесконечных лучей расходящихся возможностей Ли́ра увидела то, что искала.

Маленькая фигура. Тёмные волосы. Платье в горошек – то самое, любимое, которое Майя носила до дыр.

Она там.

Ли́ра потянулась к этой конфигурации – не рукой, чем-то другим, – и почувствовала, как Галерея откликается. Расстояние между ней и дочерью начало сокращаться. Не в простран-

стве – в чём-то ином. В той геометрии, где все моменты были равноудалены и равноблизки одновременно.

Но что-то было не так.

Чем ближе она приближалась, тем тяжелее становилось двигаться. Словно она плыла сквозь воду, которая густела, превращаясь в мёд, потом – в янтарь. Каждый шаг требовал всё больше усилий. Каждое мгновение приближения отнимало что-то – энергию? внимание? саму возможность существования?

И было ещё кое-что. На краю восприятия, там, где Галерея терялась в бесконечности, Лира заметила что-то серое. Не цвет – отсутствие цвета. Не тень – отсутствие света. Что-то, что наблюдало. Что-то, что ждало.

Что это?

Серое не ответило. Оно просто было там – на границе, на горизонте вечности. Присутствие без формы. Внимание без намерения.

Лира остановилась.

Мая была так близко – рукой подать, если бы здесь существовали руки и расстояния. Она могла видеть её лицо – серьёзное, сосредоточенное, такое знакомое. Она могла почувствовать её присутствие – тёплое, живое, реальное.

Но серое на горизонте пульсировало. Медленно, ритмично, как дыхание спящего гиганта.

Не сейчас, поняла Лира. Откуда пришло это понимание, она не знала. *Я не готова. Мне нужно научиться. Мне нужно понять.*

Она отступила – неохотно, с болью, которая была больше физической – и Галерея откликнулась, отпуская её.

– Лира!

Голос Алекса ворвался в её сознание как сирена. Далёкий и близкий одновременно. Принадлежащий одному миру, когда она была между многими.

– Лира, ответь мне! Твои показатели... они зашкаливают... я отключаю стимуляцию!

Нет, хотела сказать она. *Не отключай. Я только начала. Я только увидела.*

Но слова не шли. Её тело – то далёкое, оставленное в кресле тело – не слушалось. Оно принадлежало одной конфигурации, а она была везде и нигде, рассеянная по Галерее, как свет по призме.

– Экстренное отключение! – крикнул Алекс. – Код красный!

Лира почувствовала, как что-то изменилось в её голове – резко, болезненно, как будто кто-то выдернул штепсель из розетки. Стимуляция прекратилась. Нейроны, минуту назад резонировавшие в невозможном паттерне, начали успокаиваться.

Но Галерея не исчезла.

Она осталась – фоном, призрачным слоем поверх обычной реальности. Прозрачнее, чем раньше. Труднее для восприятия. Но всё ещё там.

Лира смотрела на потолок лаборатории – и видела сквозь него бесконечность застывших мгновений. Смотрела на свои руки – и видела их в тысячах версий, в тысячах точек вечного ландшафта. Смотрела внутрь себя – и не находила границы между «сейчас» и «всегда».

Я сломала что-то, поняла она. *Или починила. Или открыла.*

Дверь открыта. И она больше не закрывается.

– Лира! – Алекс был рядом, его лицо – бледное, встревоженное – маячило над ней. – Ты меня слышишь? Сколько пальцев?

Она попыталась сосредоточиться на его руке. Три пальца. Но также – два, и четыре, и один, и ни одного, потому что рука Алекса существовала во множестве конфигураций, и все они были одинаково реальны.

– Три, – сказала она, выбирая ту версию, которая казалась наиболее *сейчас*. – Три пальца.

– Слава богу. – Он отступил на шаг, провёл рукой по лицу. – Ты потеряла сознание на сорок секунд. Я думал... я не знал, что думать. Показания были... я никогда такого не видел.

– Покажи.

– Лира, тебе нужен врач, а не...

– Покажи, – повторила она, и её голос был твёрже, чем она ожидала.

Алекс колебался – она видела это в его позе, в том, как он перебирал варианты решений. Потом сдался, как сдавался всегда. Подошёл к монитору, вывел данные.

Лира приподнялась в кресле, чтобы видеть экран. Движение далось с трудом – тело было тяжёлым, непослушным, как после долгой болезни. Но она заставила себя.

На экране был мозг. Её мозг. Вернее – карта активации её мозга за последние пятнадцать минут.

– Вот здесь, – Алекс указал на начало графика, – всё было по протоколу. Стандартная стимуляция темпоральных структур, ожидаемый резонанс, ничего необычного. Но потом...

Он замолчал. Лира смотрела на данные и понимала почему.

После отметки «340 микроампер» график превращался в хаос. Нет, не хаос – в нечто противоположное хаосу. Паттерн активации становился всё более сложным, всё более упорядоченным, образуя структуру, которая выглядела как... как...

Фрактал, поняла она. *Не просто фрактальный паттерн – настоящий фрактал. Бесконечная сложность на каждом уровне масштабирования.*

– Это невозможно, – сказал Алекс. – Мозг не может так работать. Мозг – это нейроны, синапсы, электрохимические реакции. Он не может генерировать бесконечные структуры. Это... – Он снова замолчал, подбирая слова. – Это как если бы твой мозг на какое-то время перестал быть просто мозгом.

– И стал чем?

– Не знаю. – Его голос был тихим. – Антенной? Приёмником? Чем-то, что... принимает сигнал откуда-то?

Лира молчала. Она думала о Галерее – о бесконечном ландшафте застывших мгновений, о тысячах версий себя, расходящихся лучами. О маленькой фигуре в платье в горошек. О сером на горизонте.

– Не откуда-то, – сказала она наконец. – Отовсюду. От всего.

Алекс смотрел на неё – и в его глазах было что-то новое. Не скепсис, к которому она привыкла. Не тревога. Что-то похожее на страх, но не совсем страх. Что-то похожее на понимание, которое ещё не оформилось в слова.

– Что ты видела? – спросил он. – Там, когда...

– Всё, – ответила Лира. – Я видела всё.

Следующие несколько часов прошли в тумане.

Алекс настоял на медицинском осмотре – не в университетской клинике, где задали бы вопросы, а у знакомого невролога, который умел молчать. Лира согласилась, потому что спорить не было сил, и потому что она сама хотела знать, что произошло с её телом, пока её разум путешествовал по Галерее.

Результаты были странными.

– Физически вы в полном порядке, – сказал доктор Чжан, просматривая распечатки. – МРТ чистая, неврологический статус без отклонений, рефлексы в норме. Но вот это... – Он указал на ЭЭГ. – Я никогда такого не видел.

– Что именно? – спросила Лира.

– Ваш бета-ритм. – Доктор Чжан нахмурился. – Он... изменился. Не повреждён, не ослаблен – именно изменился. Как будто ваш мозг научился работать на другой частоте.

– Это опасно?

– Не знаю. – Честный ответ, редкий для врача. – Я никогда не видел такого паттерна у человека. Хотя... – Он замолчал.

– Хотя?

– Есть некоторые исследования медитирующих монахов. Тибетских мастеров, которые практиковали десятилетиями. У них наблюдались похожие изменения – необычно высокий гамма-ритм, синхронизация между полушариями. Но даже у них это развивалось годами. А у вас... – Он посмотрел на часы. – За пятнадцать минут эксперимента.

Лира не удивилась. Она знала, что произошло что-то фундаментальное. Что-то, чего нельзя было объяснить обычной нейрофизиологией, потому что обычная нейрофизиология не учитывала того, что она видела.

Галерея существует, думала она, пока доктор Чжан продолжал говорить что-то о рекомендациях и наблюдении. Платония реальна. И я нашла к ней дорогу.

Теперь мне нужно научиться по ней ходить.

Вечер застал её в кабинете – одну, в темноте, с чашкой остывшего кофе и данными эксперимента на экране. Алекс ушёл час назад, заставив её пообещать, что она тоже скоро уйдёт. Она пообещала. Солгала.

Галерея всё ещё была там.

Не так ярко, как во время эксперимента. Не так всеобъемлюще. Но присутствовала – тонким слоем поверх обычной реальности, как водяные знаки на бумаге. Если Лира сосредоточивалась, она могла видеть проступающие сквозь стены призраки других конфигураций. Если закрывала глаза, чувствовала пульсацию бесконечных возможностей вокруг.

Это не уйдёт, понимала она. Я сломала что-то в своём восприятии. Или открыла. Теперь я вижу то, чего не видят другие.

Теперь я знаю, что Майя существует.

Эта мысль была одновременно облегчением и болью. Облегчением – потому что пять лет сомнений, пять лет попыток убедить себя в истине, которую не могла доказать, наконец закончились. Болью – потому что видеть и дотянуться не одно и то же.

Она видела Майю там, в Галерее. Видела – мельком, издали, сквозь бесконечность других конфигураций. Маленькая фигура в платье в горошек, застывшая в одном из моментов своей короткой жизни.

Но она не смогла приблизиться. Не смогла дотянуться. Что-то мешало – густеющий янтарь, серое на горизонте, сама структура вечного ландшафта.

Мне нужно научиться, думала Лира. Нужно понять правила. Нужно найти способ.

Она потянулась к Галерее – осторожно, не так, как во время эксперимента, а мягче, аккуратнее. Просто почувствовать. Просто понять, на что это похоже теперь, когда острота первого контакта ушла.

Ощущение пришло сразу – вкус металла на языке, лёгкое головокружение, как будто пол под ногами стал наклонным. И вместе с этим – присутствие. Бесконечное количество моментов вокруг, каждый – потенциальный пункт назначения, каждый – ждущий, чтобы его посетили.

Лири сосредоточилась на одном из них – случайно, не выбирая, просто позволяя вниманию скользнуть к ближайшей точке.

И мир сдвинулся.

Это было её утро. Сегодняшнее утро, несколько часов назад, кухня их дома. Она видела Дэвида – стоящего у кофеварки, в том же халате, с теми же движениями. Видела себя – входящую, сонную, с отпечатком подушки на щеке.

«Не спала?»

«Работала».

Диалог был тем же. Каждое слово – на месте. Но теперь она видела его снаружи, как зритель в театре. Видела выражение лица Дэвида – усталость, беспокойство, любовь, которую он прятал за привычными фразами. Видела собственное лицо – отстранённое, далёкое, уже ушедшее в мысли о предстоящем эксперименте.

Я не была с ним, поняла она. Даже когда была рядом – я не была с ним. Годами.

Момент держался – застывший, неизменный, как муха в янтаре. Лири могла разглядывать его сколько угодно, находить детали, которые упустила, когда проживала его впервые: трещинку на любимой чашке Дэвида, солнечный луч, падающий на его руку, паутинку в углу окна.

Но она не могла его изменить.

Она попробовала – потянулась к застывшей версии себя, попыталась шепнуть что-то, направить, исправить. Ничего. Момент был скульптурой, не живой сценой. Вечной, прекрасной, мёртвой.

Так вот как это работает, поняла она. Навигация – не машина времени. Нельзя изменить то, что было. Можно только видеть.

Только быть свидетелем.

Разочарование было острым, но коротким. Лири не для этого искала. Не для того, чтобы менять прошлое, а для того, чтобы знать, что оно не прошло. Что каждый момент – Майины первые шаги, последняя улыбка, зелёное небо на рисунке – существует вечно. Что можно вернуться. Не изменить – но вернуться.

Она отпустила утреннюю кухню и почувствовала, как реальность мягко возвращает её в настоящее.

Настоящее, усмехнулась она про себя. Какое слово для того, кто видит вечность.

Ночь давно опустилась на Сиэтл, когда Лири наконец встала из-за стола. Тело протестовало – затёкшие мышцы, головная боль, сухость в глазах от долгого смотрения в экран (или в Галерею – она уже не различала).

Нужно было ехать домой. Нужно было поговорить с Дэвидом, объяснить... что-то. Она пока не знала что. Как объяснить человеку, что ты открыла дверь в вечность? Как рассказать о Платонии, о застывших мгновениях, о тысячах версий себя? Как сказать: «Наша дочь не умерла. Она существует. Я видела её»?

Он подумает, что я сошла с ума, поняла Лири. И, возможно, будет прав.

Но это было неважно. Ничто из прежнего не было важным. Грантовые заявки, научные публикации, карьера, репутация – всё это принадлежало миру, который измерял себя временем. Миру, который она покинула.

Она выключила компьютер, собрала вещи, вышла в коридор. Здание института было пустым – ночная охрана, тишина, гулкое эхо её шагов. Лифт. Парковка. Машина.

Она села за руль и посмотрела на свои руки на рулевом колесе.

Они были теми же руками. Те же линии на ладонях, те же короткие ногти, то же обручальное кольцо на безымянном пальце. Но теперь она видела сквозь них – не буквально, а как-то иначе. Видела другие версии этих рук: молодые, старые, держащие карандаш, держащие руку ребёнка, сложенные в последнем жесте.

*Я стала другой, поняла она. Необратимо. Невозвратно.
Вопрос в том, чем я стану дальше.*

Дорога домой была короткой – ночных пробок не было. Лира вела машину на автопилоте, позволяя рукам крутить руль, глазам следить за дорогой, а разуму – блуждать по Галерее.

Это было опасно, она понимала. Нельзя одновременно вести машину и путешествовать по вечности. Нельзя быть здесь и везде разом. Но искушение было слишком сильным. Галерея пульсировала на краю восприятия, приглашая, маня, обещая ответы на вопросы, которые она не решалась задать.

Майя, думала она. Где она сейчас? В какой конфигурации? Можно ли найти момент, когда она была счастлива – по-настоящему счастлива – и остаться там?

Можно ли жить в прошлом, если прошлого не существует?

Фары встречной машины вырвали её из размышлений. Лира моргнула, сосредоточилась на дороге. Уже близко – их улица, их дом, тёмные окна (Дэвид спит или ждёт?).

Она припарковалась, выключила двигатель. Несколько минут сидела в темноте, собираясь с силами.

Завтра, решила она. Завтра я расскажу ему. Или попробую. Или найду способ показать.

Но сначала – мне нужно понять самой.

Она вышла из машины и пошла к дому.

Дэвид не спал.

Он сидел в гостиной, в темноте, с бокалом виски в руке. Когда Лира вошла, он не повернулся – только произнёс, глядя в окно:

– Три часа ночи.

– Я знаю.

– Ты обещала, что не задержишься.

– Обещала. – Она подошла, села рядом на диван, не включая свет. – Дэвид...

– Не надо. – Его голос был усталым, не злым. – Я не хочу ссоры. Просто... – Он сделал глоток виски. – Просто скажи мне одну вещь. Честно.

– Какую?

– Ты ещё со мной?

Вопрос повис в темноте – тяжёлый, острый. Лира молчала, подбирая слова, которые были бы правдой и одновременно не ложью.

– Да, – сказала она наконец. – Но я... изменилась. Сегодня. Произошло что-то, и я...

– Что?

– Я не могу объяснить. Пока не могу. Но это не про тебя. Это не значит, что я хочу уйти.

Дэвид посмотрел на неё – впервые за этот разговор. В темноте его лицо было неразличимо, но она чувствовала его взгляд, тяжёлый и ищущий.

– Ты выглядишь иначе, – сказал он. – Не внешне. Что-то в глазах. Как будто ты смотришь сквозь меня.

Потому что смотрю, подумала Лира. Потому что вижу все версии этого момента. Потому что знаю, что этот разговор существует вечно – и одновременно не существует, потому что «вечно» ничего не значит.

Но она не сказала этого.

– Я устала, – сказала вместо этого. – Эксперимент был... интенсивным. Мне нужно поспать. Мы поговорим завтра, хорошо?

Он кивнул – медленно, неуверенно. Она знала, что он хочет большего. Хочет объяснений, заверений, чего-то, за что можно держаться. Но у неё не было сил давать. Не сегодня.

Она встала, наклонилась, поцеловала его в лоб. Обычный жест. Привычный. Она совершала его тысячи раз. И теперь она видела все эти разы – наложенные друг на друга, как кадры в замедленной съёмке.

– Спокойной ночи, – сказала она.

– Спокойной ночи, – ответил он.

И она ушла – наверх, в спальню, прочь от разговора, который не могла закончить.

Сон не шёл.

Лира лежала в темноте, глядя в потолок, и Галерея пульсировала вокруг неё. Не требовательно – скорее мягко, как присутствие. Как дыхание чего-то огромного и древнего.

Это навсегда, понимала она. Я буду видеть это до конца жизни. Каждый день. Каждую ночь. Вечность, простирающаяся сквозь мгновение.

Странно, но эта мысль не пугала. Скорее – успокаивала. Она столько лет искала способ убедить себя, что время – иллюзия, что потеря – ошибка восприятия, что Майя не ушла. И теперь она знала. Не верила – знала. С той абсолютной уверенностью, которая приходит только от прямого опыта.

Майя существует. В Галерее, среди бесконечных конфигураций, в тех моментах, где я была рядом. Я могу вернуться к ней. Не изменить прошлое – но быть там. Снова и снова. Вечно.

Слёзы потекли по щекам – тихие, мягкие, не от горя. От чего-то другого. От облегчения, может быть. Или от осознания, что путешествие, которое она начала пять лет назад, наконец нашло своё направление.

Завтра, думала она, закрывая глаза. Завтра я начну учиться.

Но сон всё ещё не шёл.

Где-то между бодрствованием и забытьём Лира снова почувствовала её – Галерею. Не как вызванное усилием видение, а как естественное расширение восприятия, как если бы её сознание, освободившись от дневного напряжения, само потянулось к вечности.

Она позволила себе скользнуть.

Не к чему-то конкретному. Просто – скользнуть. Почувствовать, как это работает. Изучить механику того, чем она стала.

Галерея приняла её – мягко, как вода принимает пловца. Бесконечность конфигураций окружила со всех сторон, каждая – потенциальный пункт назначения, каждая – ожидающий мир.

Лира плыла среди них – или парила, или скользила, у неё не было слов для этого движения, которое не было движением в привычном смысле. Она чувствовала, как её внимание касается то одного, то другого застывшего мгновения: чьё-то утро, чей-то вечер, чья-то радость, чья-то боль.

Так много жизней, думала она. Так много моментов. Каждый – реален. Каждый – вечен. И все они существуют одновременно, без начала и конца.

Она почувствовала что-то знакомое – тёплое, близкое, как запах дома после долгой дороги. Потянулась к этому ощущению, позволила ему направлять.

И оказалась там.

Больничная палата. Белые стены, писк мониторов, запах антисептика.

Лира узнала её сразу. Это была та самая палата. Та самая, где всё закончилось – или начало заканчиваться.

Но момент был другой. Не последний день. Раньше – на несколько недель раньше, когда Майя ещё улыбалась, ещё разговаривала, ещё рисовала свои солнышки на салфетках.

Лира стояла у стены – или было что-то, что заменяло стояние в этом безвременном месте – и смотрела.

Майя сидела в кровати, маленькая, бледная, но живая. Её глаза были открыты, она смотрела в окно на облака. На коленях лежал альбом, в руке – цветной карандаш.

И Лира-прошлая была там – сидела на стуле рядом с кроватью, читала что-то на планшете. Работала, даже здесь, даже сейчас. Работала, потому что не знала, как не работать, как просто быть рядом без какой-то цели.

Я так много упустила, поняла Лира-настоящая, глядя на эту сцену. Так много моментов потратила на то, что казалось важным, а было – ничем.

Майя повернула голову – не к Лире-прошлой, а к чему-то невидимому. К чему-то в воздухе.

И на секунду – на одну невозможную секунду – показалось, что она смотрит на Лиру-настоящую. Что она видит её – призрачного наблюдателя из другого времени, которое не было другим временем, потому что времени не существовало.

Майя улыбнулась.

Маленькая, мягкая улыбка – такая же, как в тот последний день, когда она сказала: «Я никуда не ухожу».

Лира почувствовала, как что-то ломается внутри неё – не в плохом смысле, а как ломается лёд весной, освобождая текущую воду. Что-то, что было заморожено пять лет, начало таять.

Ты знала, подумала она. Ты знала, да? Каким-то образом – знала.

Майя вернулась к своему рисунку. Момент продолжился – или продолжился бы, если бы здесь были «моменты» и «продолжения».

Лира смотрела. Просто смотрела, не пытаясь изменить, не пытаясь вмешаться. Впитывала каждую деталь: солнечный свет на волосах дочери, движение её руки, наклон головы. Вещи, которые она не замечала тогда, слишком занятая своими мыслями.

Я могу приходить сюда, поняла она. Сколько угодно. Этот момент существует вечно. И я могу быть его частью – снова и снова, столько раз, сколько захочу.

Это не то же самое, что иметь её обратно. Но это – что-то.

Что-то изменилось.

Лира почувствовала это раньше, чем увидела – похолодание, давление, как будто воздух стал гуще. Галерея вокруг неё дрогнула, как изображение на старом телевизоре.

И тогда она заметила серое.

Оно было там – на краю больничной палаты, там, где стены переходили в бесконечность других конфигураций. Не тень, не дым. Отсутствие. Провал в ткани реальности, место, где не было ничего, даже пустоты.

Серое смотрело на неё.

У него не было глаз – как можно иметь глаза, если ты отсутствие? – но оно смотрело. Наблюдало. Оценивало.

Что ты такое? – подумала Лира, и мысль прозвучала в тишине Галереи как крик.

Ответа не было. Только ощущение – древнее, огромное, безразличное. Не враждебное. Не доброжелательное. Просто – существующее. Как гравитация. Как энтропия. Как сама структура бытия.

Серое двинулось – или то, что заменяло движение для чего-то, что не имело формы. Оно не приближалось, не отдалялось. Оно просто... смещалось. Становилось более присутствующим.

Лира почувствовала страх – настоящий, первобытный страх, какого не чувствовала даже в ту ночь, когда Майя умерла. Это было что-то древнее, что-то, чего человеческий разум касался только в самых глубоких кошмарах.

Мне нужно уходить, поняла она. *Сейчас. Немедленно.*

Она потянулась обратно – к своему телу, к своей постели, к тому миру, который до сегодняшнего дня считала единственным. Галерея сопротивлялась – или ей показалось, что сопротивлялась, – но отпустила.

Лира открыла глаза.

Спальня. Темнота. Дэвид рядом, спящий, дышащий ровно и глубоко. Обычный мир. Обычная реальность.

Но сердце билось так, словно она бежала марафон. И на языке всё ещё был вкус металла. И запах озона – тот самый, как перед грозой – всё ещё стоял в носу.

Что это было? – думала она, глядя в потолок, который теперь был просто потолком, без намёка на Галерею. *Серое. Что оно такое?*

И почему оно смотрело на меня?

Ответов не было. Только вопросы, множющиеся как круги на воде.

Лира лежала в темноте и слушала своё сердце. Постепенно оно успокаивалось. Постепенно страх отступал, уступая место чему-то другому.

Любопытству, поняла она. *Я хочу знать. Что это такое. Как это работает. Можно ли его избежать – или его нужно принять.*

Это часть Галереи. Часть вечности. И если я хочу быть там – мне нужно понять.

Она закрыла глаза. Не для того, чтобы вернуться – для того, чтобы отдохнуть. Завтра будет новый день. Завтра она начнёт искать ответы.

Но сон так и не пришёл до самого утра.

Утро было серым – как бывает только в Сиэтле, когда облака лежат так низко, что касаются крыш домов. Лира стояла у окна в кухне, держа чашку кофе, и смотрела на улицу.

Всё выглядело обычным. Соседние дома, деревья, машины на парковке. Обычный мир, живущий своей обычной жизнью.

Но она знала, что за этим обычным скрывается что-то большее. Галерея пульсировала на краю восприятия – не требовательно, не навязчиво, просто напоминая о своём существовании. О том, что каждый момент этого серого утра – вечен. Что это облако, эта машина, этот дом будут существовать всегда в какой-то точке бесконечного ландшафта.

И серое тоже существует, напомнила она себе. *Что бы это ни было.*

– Ты рано встала.

Голос Дэвида за спиной заставил её вздрогнуть. Она обернулась – он стоял в дверях кухни, заспанный, в том же халате, что и вчера.

– Не спалось, – сказала она. – Кофе?

– Я сам налью. – Он прошёл к кофеварке, двигаясь медленно, осторожно – так он двигался, когда не был уверен в её настроении. – Лира, вчера ты сказала, что изменилась. Что произошло что-то.

– Сказала.

– Ты можешь... – Он замолчал, подбирая слова. – Ты можешь хотя бы намекнуть? Дать мне что-то, за что держаться? Потому что я... – Он снова замолчал.

Лира смотрела на него – на этого человека, с которым прожила пятнадцать лет, которого когда-то любила так сильно, что не представляла жизни без него. Видела усталость в его глазах, напряжение в плечах, страх, который он прятал за привычными жестами.

Он не понимает, думала она. И не сможет понять. Как объяснить вечность тому, кто живёт во времени?

Но она должна была попытаться.

– Эксперимент, – сказала она. – Тот, который мы проводили. Он... сработал. Не так, как мы ожидали. Не так, как можно объяснить обычной наукой.

– Что значит «сработал»?

– Я увидела. – Она сделала глоток кофе, чтобы выиграть время. – Увидела то, что искала все эти годы. Доказательство того, что время – иллюзия. Что прошлое не проходит. Что... – Она остановилась.

Что Майя существует. Что я могу к ней вернуться.

Но она не сказала этого. Не ещё.

– Это тебя изменило, – сказал Дэвид. Не вопрос – утверждение.

– Да.

– Насколько?

– Не знаю. – Честный ответ. Единственный, который она могла дать. – Ещё не знаю.

Он смотрел на неё – долго, внимательно. И она видела, как что-то в нём решается. Какой-то внутренний выбор, который он делал не в первый раз.

– Что бы это ни было, – сказал он наконец, – я здесь. Я никуда не уйду. Даже если ты... – Он сделал неопределённый жест. – Даже если ты уходишь куда-то, куда я не могу пойти.

Ты даже не знаешь, насколько ты прав, подумала Лира.

Но вслух сказала только:

– Спасибо.

Дорога в институт была привычной – те же улицы, те же светофоры, тот же мост через озеро. Но теперь Лира видела её иначе. Каждый поворот, каждый перекрёсток был точкой в Галерее – местом, где существовали бесконечные версии её самой, проезжавшей здесь в разные моменты.

Сколько раз я ехала этой дорогой? – думала она. Сотни? Тысячи? И каждый из этих разов – вечен. Каждый существует где-то в структуре реальности.

Галерея пульсировала на краю восприятия – мягко, ненавязчиво. Лира училась с ней сосуществовать. Не подавлять, не игнорировать – просто принимать как часть своего нового существования.

Это похоже на близорукость наоборот, думала она. *Раньше я видела только «сейчас». Теперь вижу «всегда». Нужно научиться фокусироваться.*

Институт встретил её обычной утренней суетой – студенты в коридорах, преподаватели с кофе, гул разговоров. Никто не смотрел на неё странно. Никто не замечал, что она стала другой. Потому что изменения были внутри, невидимые для тех, кто не знал, куда смотреть.

Алекс ждал её в лаборатории.

– Ты в порядке? – спросил он вместо приветствия. – После вчерашнего...

– В порядке. – Она села за свой стол, включила компьютер. – Даже лучше, чем в порядке.

– Это пугает.

– Что пугает?

– То, как ты это говоришь. – Он сел напротив, глядя на неё с тем выражением, которое она научилась узнавать за три года совместной работы. Выражением человека, который хочет верить и боится верить одновременно. – Лира, я анализировал данные всю ночь. То, что произошло вчера... это не укладывается ни в какие модели. Паттерн активации, который мы зафиксировали – его не должно существовать. Это как если бы твой мозг на несколько минут перестал быть обычным мозгом и стал чем-то другим.

– Чем?

– Не знаю. – Он покачал головой. – Интерфейсом? Приёмником? Я пытался найти аналогии в литературе – ничего. Самое близкое, что я нашёл, это исследования людей в состоянии клинической смерти. У некоторых из них фиксировали похожие паттерны перед... – Он замолчал.

– Перед тем, как они умирали?

– Перед тем, как они видели что-то. Туннель, свет, встречи с умершими родственниками. – Алекс поморщился. – Я знаю, как это звучит. Псевдонаука, анекдотические отчёты, ненадёжные данные. Но паттерны – похожи. Как будто есть что-то, что мозг делает на грани...

– На грани чего?

– На грани восприятия, – сказал он. – Как будто есть что-то за пределами обычного сознания, и в определённых условиях мозг может к этому... настроиться. Я не знаю, как это объяснить. Я даже не знаю, верю ли я в это.

Лира молчала. Она думала о Галерее – о бесконечном ландшафте застывших мгновений, о тысячах версий себя, о маленькой фигуре в платье в горошек.

Он почти понял, думала она. Почти дошёл до истины своим скептическим путём.

– Я видела её, – сказала она.

– Кого?

– Майю.

Тишина. Алекс смотрел на неё – и что-то в его лице менялось. Не недоверие. Не жалость. Что-то более сложное.

– Ты уверена, что это было не...

– Галлюцинация? Проекция? Желаемое, принятое за действительное? – Лира покачала головой. – Нет. Я уверена. Это было реально. Так же реально, как ты сейчас сидишь передо мной. Может быть, даже более реально – потому что то, что я видела, существует вечно, а этот момент пройдёт.

– Лира...

– Я знаю, что это звучит безумно. Я знаю, что ты хочешь меня защитить от самой себя. – Она встала, подошла к окну. За стеклом – серый Сиэтл, дождь, обычный мир. – Но я была там, Алекс. В Галерее. В Платонии. Называй это как хочешь. Я видела вечный ландшафт, о котором писал Барбур. Видела все свои версии – прошлые, будущие, возможные. И видела дочь.

– Что она делала?

Вопрос был неожиданным. Не «как это возможно?», не «ты уверена, что не бредила?», а просто – «что она делала?».

Лира обернулась.

– Рисовала. – Её голос дрогнул. – Сидела в больничной палате и рисовала. Как делала это каждый день, пока могла держать карандаш.

Алекс молчал. Потом кивнул – медленно, как будто принимая что-то, что не мог объяснить.

– Хорошо, – сказал он.

– Хорошо?

– Хорошо. – Он встал. – Я не понимаю, что произошло. Не знаю, как это объяснить. Но я вижу данные, и я вижу тебя. И я... – Он сделал паузу. – Я хочу понять. Хочу узнать, что ты видела. И если для этого нужно принять вещи, которые противоречат всему, чему меня учили, – я готов попробовать.

Он выбрал, поняла Лира. Выбрал мне верить. Или хотя бы – выбрал не отступить.

– Спасибо, – сказала она. И, подумав, добавила: – Там было ещё кое-что. Кроме Галереи.

– Что?

– Что-то серое. На краю. – Она попыталась найти слова. – Не враждебное. Не доброе. Просто... наблюдающее. Как будто сама вечность следит за теми, кто в неё вторгается.

Алекс нахмурился.

– Это звучит как...

– Я знаю, как это звучит. Но оно было реальным. И мне кажется... – Она замолчала, собираясь с мыслями. – Мне кажется, это важно. Может быть, более важно, чем сама Галерея. Нам нужно понять, что это такое.

– Как ты предлагаешь это делать?

– Вернуться туда. – Лира посмотрела ему в глаза. – Снова и снова. Изучить. Картографировать. Понять правила.

– Это опасно.

– Я знаю.

– Вчера ты потеряла сознание. Твой мозг делал вещи, которые мы не понимаем. Мы не знаем долгосрочных последствий.

– Я знаю.

– И ты всё равно хочешь продолжать?

Лира молчала секунду. Потом ответила:

– Алекс, моя дочь умерла пять лет назад. Я думала, что потеряла её навсегда. А вчера я была с ней – по-настоящему, не в воспоминаниях. Смотрела, как она рисует. Видела её улыбку. – Пауза. – Если есть хоть малейший шанс, что я смогу это повторить – я готова рискнуть.

– Даже если это тебя убьёт?

– Даже если это меня убьёт.

Алекс смотрел на неё – долго, молча. Потом вздохнул.

– Ладно, – сказал он. – Тогда давай сделаем это правильно. С протоколом. С мониторингом. С возможностью остановить, если что-то пойдёт не так.

– Договорились.

– И Лира?

– Да?

– Если ты увидишь это серое снова – уходи. Сразу. Без вопросов.

Легко сказать, подумала она. Труднее сделать, когда стоишь на краю вечности.

Но вслух сказала только:

– Обещаю.

Остаток дня прошёл в работе.

Не в экспериментах – в подготовке. Лира и Алекс разрабатывали новый протокол, учитывая всё, что они узнали. Новые параметры мониторинга, новые точки отсечения, новые процедуры экстренного прерывания.

Галерея пульсировала на краю восприятия, напоминая о себе. Иногда – когда Лира теряла концентрацию – она видела проблески других конфигураций: себя за этим же столом, но в другой одежде; Алекса, говорящего что-то, что он ещё не сказал; солнечный свет там, где сейчас были тучи.

Это будет сложно, понимала она. *Жить между мирами. Видеть «всегда», когда нужно действовать в «сейчас».*

Но это единственный способ. Единственный путь к ней.

Вечером, перед уходом, Алекс остановился у двери.

– Завтра? – спросил он.

– Завтра, – подтвердила она. – Первый контролируемый нырок.

– Нырок. – Он усмехнулся. – Хорошее слово для того, что мы делаем. Ныряем в неизвестность.

– Есть слово лучше?

– Нет. – Он покачал головой. – Просто... будь осторожна. Я понимаю, зачем ты это делаешь. Но мне бы не хотелось потерять единственного человека, который тоже это видел.

Единственного, подумала Лира. *Пока – единственного.*

Но это изменится. Рано или поздно – это изменится.

– Спокойной ночи, Алекс, – сказала она.

– Спокойной ночи, – ответил он и ушёл.

Лира осталась одна в лаборатории. За окном темнело – ранние зимние сумерки, такие привычные для Сиэтла. Огни города зажигались один за другим, как звёзды, которые никогда не увидишь за облаками.

Завтра, думала она. *Завтра я вернусь.*

И узнаю, что прячется за серым.

Ночь принесла сны – или то, что заменяло сны для человека, который видел вечность.

Лира скользила по Галерее без направления, без цели, просто позволяя себе быть там. Бесконечные конфигурации окружали её – чужие жизни, чужие моменты, чужие радости и печали. Каждая была реальной. Каждая – вечной.

И среди этой бесконечности она снова почувствовала её – маленькую, тёплую точку, которая была Майей.

На этот раз Лира не пыталась приблизиться. Просто смотрела издалека, через пропасти других конфигураций. Маленькая фигура – там, в одном из моментов, навсегда застывшая в своём детстве.

Я найду к тебе дорогу, думала Лира. *Научусь ходить по этому ландшафту. Пойму его правила.*

И тогда мы будем вместе. Снова и снова. Вечно.

Серое шевельнулось на горизонте – далёкое, ненавязчивое. Напоминание о том, что вечность имеет своих стражей.

Лира проснулась.

Утро было ещё далеко, но сон больше не шёл. Она лежала в темноте, слушая дыхание Дэвида, и думала о том, что ждёт впереди.

Новый мир, понимала она. *Новые правила. Новая жизнь.*

Или то, что придёт после жизни.

Она закрыла глаза – не для того, чтобы спать, а для того, чтобы видеть. И Галерея приняла её снова.

Следующий день начался раньше обычного.

Лира приехала в институт ещё до рассвета – когда коридоры были пусты, а лаборатория погружена в тишину. Ей нужно было время, чтобы подготовиться. Не физически – морально.

Я снова увижу её, думала она, проверяя оборудование. И на этот раз – постараюсь приблизиться.

Алекс появился через час – с термосом кофе и тёмными кругами под глазами.

– Тоже не спал? – спросила Лира.

– Думал. – Он поставил термос на стол. – О том, что мы делаем. О рисках. О том, что случится, если это... выйдет наружу.

– Выйдет?

– Лира, ты же понимаешь. – Он сел напротив неё. – Если мы правы – если всё это реально – это изменит всё. Не только науку. Религию. Философию. Само понимание того, что значит быть человеком.

– Я понимаю.

– И ты готова к этому?

Она подумала. По-настоящему подумала – о том, что произойдёт, если Галерея станет известной. О людях, которые захотят туда попасть. О тех, кто не сможет. О разделении, которое последует.

Нет, поняла она. Я не готова. Никто не готов.

Но это не значит, что можно остановиться.

– Нет, – сказала она вслух. – Но это не имеет значения. Готовность – не обязательное условие.

Алекс кивнул – как будто ожидал такого ответа.

– Тогда начнём, – сказал он.

Эксперимент был похож на предыдущий – и совершенно другим.

Лира сидела в том же кресле, с теми же электродами. Алекс стоял у пульта, контролируя показатели. Всё было на месте – протокол, мониторинг, экстренные процедуры.

Но теперь она знала, куда идёт. Знала, что ждёт по ту сторону.

– Двести микроампер, – сказал Алекс. – Стандартное начало. Как себя чувствуешь?

– Нормально.

– Двести двадцать.

Первые проблески Галереи – далёкие, как звёзды за облаками. Лира позволила себе их почувствовать, но не уходить.

– Двести сорок.

Стены лаборатории начали прозрачнеть. Сквозь них проступали другие конфигурации – те же стены в разные моменты, разные версии реальности, наложенные друг на друга.

Стекло, подумала Лира. Снова стекло.

– Двести шестьдесят.

Вкус металла на языке. Знакомый, почти уютный теперь, когда она знала, что он означает.

Порог. Я подхожу к порогу.

– Двести восемьдесят.

Стекло треснуло.

И она упала – или взлетела, или просто стала – туда, где не было верха и низа, начала и конца.

В Галерею.

Это было иначе, чем в первый раз.

Не потому что Галерея изменилась – она была вечной, неизменной по определению. Изменилась Лира. Теперь она знала, где находится. Знала правила, хотя бы частично. Знала, что искать.

Майя, подумала она, и намерение стало направлением.

Конфигурации вокруг неё сдвинулись, перегруппировались. Бесконечный ландшафт откликнулся на её желание, указывая путь.

Она скользила – или плыла, или падала вверх – сквозь застывшие мгновения. Чужие лица, чужие жизни, чужие комнаты и улицы. Каждая деталь – вечная. Каждый момент – реальный.

И там, впереди – тёплая точка. Маленькая фигура. Платье в горошек.

Нашла.

Лира приближалась – осторожно, медленно, помня о том, что в прошлый раз почувствовала сопротивление. Помня о сером на горизонте.

Только посмотреть, говорила она себе. *Только побыть рядом. Не пытаться изменить, не пытаться удержать.*

Майя становилась всё ближе. Теперь Лира могла различить детали: рисунок на платье (не горошек – звёздочки, она перепутала), положение головы (чуть наклонённое вправо, как всегда, когда дочь сосредоточивалась), руки (маленькие, с цветными следами от карандашей на пальцах).

Это был другой момент – не больничная палата. Это была их старая квартира, до переезда, до болезни, до всего. Майя – пятилетняя, здоровая, живая – сидела на полу гостиной и строила что-то из кубиков.

Лира замерла.

Это так давно, думала она. *Так далеко. И так близко – рукой подать, если бы здесь были руки.*

Она смотрела на дочь – на маленькую сосредоточенную фигуру, на серьёзное лицо, на движения рук, складывающих кубик к кубику. Впитывала каждую деталь, каждую секунду этого момента, который существовал вечно и который она почти забыла.

Я была так занята, поняла она. *Работой, карьерой, своими мыслями. Так часто не видела того, что было прямо передо мной.*

Теперь я вижу. Теперь – вечность, чтобы посмотреть.

Майя подняла голову.

Не к Лире-прошлой, которая где-то была в этом моменте – на кухне, наверное, или в спальне. К чему-то невидимому. К чему-то в воздухе.

И улыбнулась.

Той самой улыбкой – открытой, беззащитной, полной того доверия к миру, которое бывает только у детей.

Она меня видит, поняла Лира. *Как-то – видит.*

И в этот момент серое пришло.

Не сбоку, не сверху – отовсюду. Как будто само пространство Галереи начало густеть, терять цвет и форму. Как будто бесконечность складывалась внутрь, сжимаясь к точке, где стояла Лира.

Уходи, прозвучало в её голове – не словами, а чем-то более древним. *Уходи сейчас*.

Она попыталась. Потянулась обратно, к телу, к лаборатории, к миру, который знала. Но Галерея не отпускала. Серое окружало её, давило, не позволяя двигаться.

Что ты такое? – думала она, обращаясь к этому присутствию. *Что тебе нужно?*

Ответа не было – только давление, всё сильнее и сильнее. И где-то далеко – голос Алекса, кричащего что-то о показателях и экстренном отключении.

Я не уйду, решила она. *Не сейчас. Не так*.

Она сосредоточилась – не на бегстве, а на сопротивлении. На том, чтобы остаться. На том, чтобы понять.

Серое замерло.

На мгновение – или на вечность, здесь это было одно и то же – они стояли друг напротив друга: женщина, открывшая дверь в вечность, и нечто, что охраняло эту дверь.

Я не враг, думала Лира. *Я просто хочу быть с дочерью*.

Серое не ответило. Но давление ослабло – немного, достаточно, чтобы Лира могла дышать (если здесь было дыхание).

Ты меня поняло, поняла она. *Или решило понять*.

И тогда – разом, как обрыв – она упала обратно.

– Лира!

Голос Алекса. Близкий. Реальный.

Она открыла глаза. Потолок лаборатории. Лампы. Обычный мир.

– Ты в порядке? – Алекс был бледен, его руки дрожали. – Ты отключилась на две минуты.

Показатели были... я думал, что потерял тебя.

– Я видела её, – сказала Лира. – Снова. Ближе.

– Майю?

– Да. И серое. – Она попыталась сесть, но тело не слушалось. – Оно пришло. Пыталось меня вытолкнуть. Но я... – Она замолчала, подбирая слова. – Я устояла.

Алекс смотрел на неё – и в его глазах было что-то новое. Страх, да. Но и что-то ещё.

Вера, поняла Лира. *Он начинает верить*.

– Что это такое? – спросил он. – Это серое?

– Не знаю. – Честный ответ. – Но оно... часть этого места. Часть Галереи. Может быть – её защита. Или её закон.

– Защита от чего?

– От нас, – сказала Лира. – От тех, кто видит то, что не предназначено для видения.

Но я видела, добавила она мысленно. *И увижу снова. Сколько бы раз ни понадобилось. Потому что там – она. И я больше никогда её не отпущу*.

Глава 3: Координаты

Белый потолок. Запах антисептика. Писк монитора – ритмичный, механический, равнодушный.

Лира открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Мир вокруг был слишком ярким, слишком резким, словно кто-то выкрутил контрастность до предела. Каждая деталь – трещинка на потолке, складка на простыне, пылинка в луче света – кричала о своём существовании, требовала внимания.

И за всем этим, сквозь всё это – Галерея.

Она не исчезла. Не отступила, как Лира надеялась – или боялась. Призрачным слоем поверх больничной палаты проступали другие конфигурации: та же палата, но пустая; та же палата, но с другим пациентом; та же палата, но залитая закатным светом, которого сейчас не было. Тысячи версий одного места, наложенные друг на друга, как кадры на испорченной плёнке.

– Доктор Чэнь? – Голос откуда-то сбоку. Женский, профессионально-участливый. – Вы меня слышите?

Лира повернула голову – медленно, осторожно, как будто боялась, что резкое движение разобьёт хрупкое равновесие между реальностями. Медсестра стояла у кровати, держа в руках планшет с данными.

– Слышу, – сказала Лира. Её голос был хриплым, как после долгого молчания.

– Вы в университетской клинике. Вас доставили вчера вечером после инцидента в лаборатории. – Медсестра сверилась с планшетом. – Ваш коллега, доктор Вербицкий, вызвал скорую. Он сказал, что вы потеряли сознание во время эксперимента.

Вчера вечером, отметила Лира. *Я была без сознания всю ночь.*

– Какой сейчас день?

– Четверг. – Медсестра чуть нахмурилась. – Двенадцатое декабря. Вы помните, что произошло?

Помню, подумала Лира. *Помню всё. Галерею. Майю. Серое.*

Но вслух сказала:

– Эксперимент. Нейростимуляция. Что-то пошло не так.

– Ваши показатели в норме. МРТ чистая, неврологический осмотр без отклонений. – Медсестра сделала пометку в планшете. – Доктор Нгуен хочет оставить вас под наблюдением ещё на сутки, но, судя по всему, вам повезло. Что бы там ни случилось – серьёзных повреждений нет.

Серьёзных повреждений, мысленно повторила Лира. *Если не считать того, что я больше не вижу мир как раньше. Если не считать того, что вечность теперь – моя постоянная спутница.*

– Где доктор Вербицкий?

– Ждёт в приёмном покое. Он провёл здесь всю ночь, отказывался уходить. – В голосе медсестры проскользнуло что-то похожее на одобрение. – Позвать его?

– Да. Пожалуйста.

Медсестра кивнула и вышла. Лира осталась одна – если не считать призраков других конфигураций, проступающих сквозь стены.

Алекс вошёл через несколько минут – бледный, с красными глазами, в той же одежде, что была на нём вчера. Он выглядел так, словно не спал не одну ночь, а несколько.

– Лира. – Его голос дрогнул. – Боже. Я думал...

– Я в порядке.

– Ты потеряла сознание на четырнадцать часов. – Он подошёл ближе, сел на стул у кровати. – Показатели во время эксперимента были... я никогда такого не видел. Активация распространилась на весь мозг, все структуры одновременно. А потом – обрыв. Как будто кто-то выключил свет.

– Серое, – сказала Лира.

– Что?

– То, что я видела. На краю Галереи. Оно пришло, попыталось вытолкнуть меня. Я сопротивлялась. И потом... – Она замолчала, пытаясь подобрать слова. – Потом оно меня отпустило. Но это стоило чего-то. Сил, может быть. Или чего-то другого.

Алекс смотрел на неё – и в его глазах было то выражение, которое она научилась узнавать за три года совместной работы. Выражение человека, который пытается найти рациональное объяснение нерациональному.

– Лира, я должен тебе кое-что сказать. – Он наклонился ближе, понизил голос. – Когда ты была без сознания, твоя ЭЭГ... она не была нормальной. Не в смысле «повреждение» – в другом смысле. Паттерны, которые мы фиксировали... они продолжались. Фрактальная структура. Как будто твой мозг всё ещё был *там*, даже когда ты была здесь.

– Я и была там.

– Что?

– Не помню деталей. Но что-то происходило. – Лира закрыла глаза. Галерея пульсировала за веками – ближе, чем раньше, почти осязаемая. – Алекс, я вижу её. Прямо сейчас. Не так ярко, как во время эксперимента, но вижу. Она никуда не ушла.

Тишина. Потом:

– Это... постоянное?

– Похоже на то.

– И ты можешь...

– Не знаю. – Она открыла глаза. – Я ещё не пробовала. Не по-настоящему. Вчера – это было неконтролируемо. Меня несло. Но теперь... – Она посмотрела на свои руки, лежащие на больничной простыне. Сквозь них проступали другие руки – моложе, старше, в других положениях. – Теперь мне нужно научиться.

– Научиться чему?

– Навигации.

Следующие несколько часов прошли в медицинских процедурах – анализы, осмотры, разговоры с врачами. Лира отвечала на вопросы, выполняла инструкции, делала всё, что требовалось, чтобы её выписали как можно скорее. Но её внимание было не здесь. Оно было в Галерее.

Она начала замечать закономерности.

Призрачные конфигурации, проступающие сквозь реальность, были не случайными. Они имели какую-то связь с её состоянием, с тем, о чём она думала, что чувствовала. Когда медсестра брала кровь, Лира видела другие моменты, связанные с больницами – смутные, далёкие, но узнаваемые. Когда думала о Дэвиде, проступали конфигурации их дома, их жизни вместе.

Это как настройка радио, поняла она. Мои мысли – частота. И Галерея откликается.

Но откликалась она хаотично, непредсказуемо. Образы накладывались друг на друга, путались, смешивались. Лира не могла выбрать, куда смотреть, не могла контролировать, что видит. Вечность обрушивалась на неё всей своей массой, и единственное, что она могла – не утонуть.

Нужна практика, думала она. Нужно понять систему.

К вечеру её выписали – против рекомендаций доктора Нгуена, но Лира настояла. Она подписала все бумаги, выслушала все предупреждения, пообещала обратиться при первых признаках ухудшения. И вышла из больницы в холодный декабрьский вечер.

Алекс ждал у входа.

– Отвезти тебя домой?

– Да. – Она помолчала. – Нет. В лабораторию.

– Лира, ты только что из больницы.

– Именно поэтому. – Она посмотрела на него. – Мне нужно понять, что происходит. Нужны данные. Записи. Что-то, за что можно держаться.

– Данные подождут до завтра.

– Нет. – Она покачала головой. – Не подождут. Потому что каждую секунду, пока я стою здесь и разговариваю с тобой, я вижу... – Она замолчала, подбирая слова.

– Что ты видишь?

– Всё. – Её голос дрогнул. – Я вижу эту парковку в тысячах версий. Вижу нас с тобой – стоящих здесь, уходящих, приезжающих в другие дни. Вижу людей, которых здесь нет, потому что они были здесь раньше или будут потом. Это как... – Она снова замолчала.

– Как что?

– Как смотреть на солнце. Слишком ярко. Слишком много. Мне нужно научиться закрывать глаза.

Алекс долго смотрел на неё. Потом кивнул.

– Хорошо. В лабораторию.

Лаборатория встретила их тишиной и темнотой. Алекс включил свет, и Лира моргнула от резкого перехода – но не только от света. Сквозь обычное освещение проступало что-то другое: те же лампы, но в другое время, горящие и погасшие, яркие и тусклые.

– С тобой точно всё в порядке? – спросил Алекс.

– Нет. – Честный ответ. – Но это единственный способ стать в порядке.

Она села за свой стол – тот самый, за которым провела тысячи часов за последние годы. Компьютер, стопки бумаг, фотография Майи в углу. Обычные вещи, привычные вещи.

Но теперь они были призрачными.

Сквозь стол проступали другие столы – тот же стол в другие моменты, с другими бумагами, в другом освещении. Сквозь компьютер – другие экраны, другие окна, другие данные. Сквозь фотографию...

Лира замерла.

Сквозь фотографию Майи она видела другие фотографии. Но не только. Она видела саму Майю – мельком, на периферии восприятия, как будто дочь стояла где-то рядом, в одной из бесчисленных конфигураций.

Она там, поняла Лира. Где-то в этой бесконечности. Мне нужно только найти дорогу.

– Лира? – Голос Алекса. Обеспокоенный. Далёкий.

– Я здесь. – Она с усилием отвела взгляд от фотографии. – Я... пытаюсь сосредоточиться.

– Может, стоит начать с чего-то простого? – Он сел напротив неё. – Не пытайся объять необъятное, а... я не знаю. Выбрать одну точку. Один момент.

Один момент, повторила Лира мысленно. Да. Это имеет смысл.

– Хорошо, – сказала она вслух. – Помоги мне.

– Как?

– Задавай вопросы. Направляй. Я буду пытаться... навигировать. А ты будешь следить, чтобы я не потерялась.

Алекс кивнул. Его лицо было напряжённым, но решительным.

– С чего начнём?

Лира закрыла глаза. Галерея тут же хлынула навстречу – волна образов, конфигураций, возможностей. Она заставила себя не отшатываться.

– Начнём с чего-то знакомого. – Её голос звучал как издали. – Что-то, что я хорошо помню.

– Например?

Майя, хотела сказать она. Первые шаги. Последний рисунок. Любой момент.

Но что-то подсказывало, что это слишком сложно. Слишком нагружено эмоциями. Слишком...

– Что-то нейтральное, – сказала она. – Для начала. Момент без особого значения.

– Твоё детство?

– Да. – Она сосредоточилась. – Моё детство. Что-то простое.

Галерея откликнулась.

Это было похоже на падение – но не вниз, а внутрь. Лира чувствовала, как её сознание соскальзывает с поверхности настоящего, погружаясь в густую золотистую среду, которая была Галереей. Вязко, медленно, как движение сквозь мёд.

Детство, думала она. Моё детство. Что-то простое.

Конфигурации вокруг неё начали меняться – от лаборатории к чему-то другому, более раннему. Она чувствовала, как температура среды сдвигается: холодный металл больницы и института уступал место чему-то более тёплому, более мягкому.

Детство всегда тёплое, отметила она. Это интересно. Моменты имеют температуру.

Образы проявлялись постепенно – сначала размытые, потом всё более чёткие. Комната. Детская комната? Нет, кухня. Старая кухня, из квартиры, где она выросла. Жёлтые занавески, которые мама меняла каждую весну. Холодильник с магнетиками из разных городов. Стол с клеёнкой в цветочек.

Да, подумала Лира. Я помню это место.

Она попыталась сосредоточиться, удержать образ, сделать его чётче. И в этот момент что-то пошло не так.

Боль.

Резкая, острая, неожиданная – как будто кто-то провёл лезвием по её пальцу. Лира вскрикнула и отшатнулась, теряя концентрацию.

– Лира! – Голос Алекса, далёкий, встревоженный. – Что случилось?

Она открыла глаза. Лаборатория. Настоящее. Её руки лежали на столе, и на указательном пальце левой руки...

Ничего. Никакой раны. Никакой крови.

Но она всё ещё чувствовала боль – призрачную, затухающую, как эхо чего-то реального.

– Я порезалась, – сказала она, глядя на свой палец. – Там, в том моменте. Мне было... пять? Шесть? Я резала что-то на кухне, и нож соскользнул.

– Ты помнишь этот момент?

– Нет. – Она покачала головой. – Не помнила. До сейчас. Но я там была, и боль... боль была реальной. – Она посмотрела на Алекса. – Ты понимаешь, что это значит?

– Что?

– Это не воспоминания. Не галлюцинации. Это... – Она искала слова. – Когда я попадаю в момент, я там *физически*. Или какая-то часть меня. И то, что происходит там – влияет на меня здесь.

Алекс побледнел.

– Это опасно.

– Да. – Лира кивнула. – Но это также доказательство. Доказательство того, что моменты реальны. Что они существуют не только в моей голове.

– Или это просто психосоматика. Ты вспомнила травматичный момент, и твой мозг воспроизвёл ощущения.

– Нет. – Она снова посмотрела на палец. – Я не помнила этот момент. Вообще. Это не было воспоминание, которое я вызвала сознательно. Я просто... попала туда случайно. Промаяхнулась.

– Промаяхнулась?

– Я хотела найти что-то нейтральное из детства. А попала в момент боли. – Лира нахмурилась. – Навигация не работает так, как я думала. Это не просто «подумай о месте и окажись там». Это сложнее.

– Может, стоит остановиться? Проанализировать то, что уже есть?

– Нет. – Она покачала головой. – Мне нужно понять систему. Один промах ничего не объясняет. Мне нужно больше данных.

И прежде чем Алекс успел возразить, она снова закрыла глаза.

На этот раз она попыталась быть осторожнее.

Не детство, думала она, погружаясь в золотистую вязкость Галереи. Что-то другое. Что-то, что я помню чётко.

Она сосредоточилась на запахе – первом, что пришло в голову. Запах больницы. Анти-септик, чистящие средства, тот особый медицинский аромат, который нельзя спутать ни с чем.

Больница. Я хочу попасть в больницу. В конкретный момент.

Она думала о палате Майи. О последних днях. О том времени, когда она сидела рядом с дочерью, держа её за руку, зная, что...

Нет. Слишком рано. Слишком больно.

Она отступила от этой мысли, но было поздно. Галерея уже откликнулась, и её несло куда-то – не туда, куда она хотела, но куда-то близкое, куда-то связанное с запахом больницы.

Образы начали проявляться.

Операционная. Яркий свет, хирургические лампы. Люди в зелёных халатах и масках. Кто-то лежит на столе, и вокруг него суетятся врачи, и есть кровь – много крови, слишком много.

Лира не узнавала это место. Не узнавала людей. Она никогда не была в операционной – не как пациент, не как врач, не как наблюдатель.

Но я была рядом, поняла она. Когда Майя лежала в больнице, рядом были другие палаты, другие пациенты. И одна из операционных была где-то близко. И мои капсулы времени... перепутали координаты.

Она попыталась отвести взгляд, но не смогла. Момент держал её – или она держала момент, или они держали друг друга во взаимном захвате, из которого было не вырваться.

На столе лежал мужчина – пожилой, с седыми волосами. Его грудная клетка была открыта, и хирург делал что-то внутри, что-то срочное и отчаянное. Мониторы показывали хаотичные линии.

Он умирает, поняла Лира. Прямо сейчас, в этом вечном мгновении, этот незнакомый человек умирает.

И она ничего не могла сделать. Это был застывший момент, скульптура из времени. Она могла только смотреть.

Где-то далеко – или близко, расстояния здесь не имели смысла – голос Алекса звал её имя. Лира зацепилась за этот звук и потянулась к нему, как утопающий к верёвке.

Мир дрогнул. Операционная растворилась.

Лаборатория.

– Лира! – Алекс тряс её за плечи. – Ты меня слышишь?

– Слышу. – Её голос был хриплым. – Я... видела чужую операцию. Кого-то, кого не знаю.

Он умирал.

– Ты была без реакции почти минуту. Я уже собирался вызывать...

– Не надо. – Она отстранила его руки, потёрла виски. Голова болела – тупая, давящая боль за глазами. – Я в порядке. Просто... снова промахнулась.

– Это становится опасным.

– Я знаю. – Она встала, прошлась по лаборатории. Нужно было двигаться, чувствовать своё тело, напоминать себе, где находится «здесь». – Алекс, ты прав. Это опасно. Но я начинаю понимать.

– Что понимать?

– Как это работает. – Она остановилась у окна, глядя на ночной Сиэтл. За стеклом – огни города; сквозь стекло – тысячи других ночей, других огней. – Навигация – это не просто мысль. Не просто желание оказаться где-то. Это... – Она подбирала слова. – Это резонанс. Между моим состоянием здесь и состоянием момента там.

– Резонанс?

– Да. Когда я думала о детстве, я попала в момент боли, потому что... – Она задумалась. – Потому что я сама была напряжена? Испугана? И эти эмоции нашли отклик в моменте, где я тоже была напряжена и испугана – когда порезала палец.

– А операционная?

– Запах. Я сосредоточилась на запахе больницы, и это привело меня к больнице – но не к той, которую я хотела. К близкой, похожей, но чужой. – Лира повернулась к Алексу. – Понимаешь? Эмоции и общие ощущения – плохие координаты. Они слишком размытые. Они ведут к чему-то похожему, но не к тому, что нужно.

– Тогда что нужно?

– Точность. – Она вернулась к столу, села. – Не «детство» – а конкретный момент в конкретном месте. Не «больница» – а конкретная палата, конкретный день, конкретное время.

– И как достичь такой точности?

Лира молчала. Она думала о Майе – о тысячах моментов, которые хотела найти. О первых шагах, о последнем рисунке, о всех тех мгновениях, которые были, казалось бы, так близко и так бесконечно далеко.

Что делает момент уникальным? – спрашивала она себя. *Что отличает один момент от всех остальных?*

Не эмоции – они слишком общие. Не место – она только что видела, как место без точных координат приводит к чужим операционным. Не время – время здесь вообще не существовало в привычном смысле.

Тогда что?

И ответ пришёл – не из мыслей, а из тела. Из того самого пальца, который всё ещё помнил призрачную боль пореза.

– Тело, – сказала она вслух.

– Что?

– Координаты – это тело. – Лира посмотрела на свои руки. – Когда я порезала палец в детстве, мои капсулы времени записали не только эмоции, не только место. Они записали физические ощущения. Положение тела, температуру воздуха, запах конкретный, не абстрактный. Именно это делает момент уникальным – не «кухня моего детства», а «я стою у стола, нож в правой руке, левая рука на разделочной доске, свет падает слева».

– Телесная память.

– Да. – Она кивнула. – Вот почему операционная была чужой – я никогда там не была физически. Мой мозг интерполировал, заполнил пробелы ближайшим похожим моментом. Но если я хочу попасть куда-то конкретно – мне нужно вспомнить не мысли, не чувства. Мне нужно вспомнить тело.

Алекс молчал, обдумывая.

– Это имеет смысл, – сказал он наконец. – С точки зрения нейрофизиологии. Соматосенсорная память часто более точная, чем эпизодическая. Мы можем забыть, о чём думали в конкретный момент, но тело помнит позы, движения, ощущения.

– Значит, я права.

– Возможно. – Он посмотрел на неё. – Есть только один способ проверить.

– Я знаю.

Лира закрыла глаза. Галерея ждала – золотистая, вязкая, бесконечная.

На этот раз, думала она, я сделаю это правильно.

Она начала с тела.

Не с мыслью о месте, не с эмоцией момента – с физических ощущений. С того, что помнила не разумом, а мышцами, кожей, костями.

Дэвид, подумала она. Момент с Дэвидом. Что-то конкретное.

Но прежде чем выбирать момент, она сосредоточилась на теле. Как она сидела? Стояла? Лежала? Что чувствовала кожа – тепло, холод, прикосновение ткани? Что слышали уши – не слова, а тон, громкость, направление?

Образ начал проявляться – медленнее, чем раньше, но чётче. Не хаотичная волна конфигураций, а направленное движение к конкретной точке.

Хорошо, подумала Лира. Это работает.

Она позволила себе погрузиться глубже.

И оказалась там.

Их гостиная. Не нынешний дом – старая квартира, ещё до Майи. Вечер, приглушённый свет, запах чего-то подгоревшего из кухни.

Лира стояла – или присутствовала, здесь это было одно и то же – и смотрела на сцену, которую помнила и которую хотела бы забыть.

Она-прошлая сидела на диване, скрестив руки на груди. Защитная поза. Её лицо было красным – от гнева? от слёз? от того и другого?

Дэвид стоял напротив. Его руки были подняты – не угрожающе, а в жесте, который означал «я не понимаю, чего ты от меня хочешь».

– ...всегда так! – Голос Лиры-прошлой. Резкий, звенящий. – Каждый раз, когда я пытаюсь поговорить о чём-то важном, ты просто...

– Я не «просто»! – Дэвид перебил, чего почти никогда не делал. – Я пытаюсь понять, но ты не даёшь мне шанса. Ты решаешь за нас обоих, а потом злишься, что я не согласен.

– Потому что тебе всегда всё равно!

– Мне не всё равно! Мне просто... – Он замолчал, провёл рукой по лицу. – Лира, я люблю тебя. Но иногда ты делаешь это невозможным.

Лира-настоящая смотрела на эту сцену – и чувствовала всё, что чувствовала тогда. Гнев. Обиду. Страх, который прятался за гневом. И что-то ещё – что-то, чего она не понимала в тот момент, но понимала теперь.

Я боялась, поняла она. Боялась, что он уйдёт. Что я недостаточно хороша. И напала первой, чтобы не дать ему возможности ударить.

– Может быть, нам нужен перерыв, – сказал Дэвид в застывшем моменте. – Просто... остыть. Поговорить завтра, когда...

– Перерыв? – Лира-прошлая вскочила. – Ты хочешь перерыв? Прекрасно. Вот дверь.

Нет, хотела сказать Лира-настоящая. Не говори этого. Ты не хочешь, чтобы он уходил. Ты хочешь, чтобы он остался и боролся. Но он не знает. Он не может прочитать твои мысли.

Но слова не шли. Это был застывший момент, скульптура из прошлого. Она могла только смотреть.

Дэвид-прошлый постоял секунду, потом повернулся и вышел. Не хлопнув дверью – тихо, аккуратно, как он делал всё. И Лира-прошлая осталась одна, и её лицо изменилось – гнев сменился ужасом, когда она поняла, что сделала.

Это была наша первая серьёзная ссора, вспомнила Лира-настоящая. Он вернулся через два часа. Мы помирились. Мы никогда больше об этом не говорили.

Но я всегда помнила. Помнила, какой могу быть. Какой не хочу быть.

Она отпустила момент – осторожно, без рывка – и почувствовала, как Галерея мягко выталкивает её обратно.

– Лира?

Голос Алекса. Близкий, реальный.

Она открыла глаза. Лаборатория. Ночь за окном. Всё на месте.

– Я в порядке, – сказала она, хотя не была уверена, что это правда.

– Где ты была?

– В прошлом. – Она потёрла виски. – В моменте, который хотела бы забыть. Наша с Дэвидом первая ссора.

– Это то, что ты хотела найти?

– Нет. – Она покачала головой. – Но это то, куда меня привело. Когда я думала о нём, о физических ощущениях рядом с ним... самое сильное, что я вспомнила, было напряжение в плечах. То, как я сидела в тот вечер. – Она помолчала. – Навигация работает через тело, но тело помнит не только хорошее. Оно помнит всё.

– Это усложняет дело.

– Да. – Лира встала, подошла к окну. – Если я хочу найти конкретный момент – мне нужно вспомнить не просто физические ощущения, а *правильные* физические ощущения. Те, которые уникальны для этого момента, а не для какого-то другого.

– Это вообще возможно?

– Не знаю. – Она смотрела на ночной город, но видела не его – видела Галерею, пульсирующую за гранью восприятия. – Но я собираюсь выяснить.

Следующий час прошёл в экспериментах.

Лира погружалась в Галерею снова и снова – осторожно, контролируемо, каждый раз пытаясь понять механику навигации чуть лучше. Алекс сидел рядом, следил за временем, задавал вопросы после каждого «нырка».

Постепенно картина прояснялась.

Навигация работала через телесную память – это подтвердилось. Но точность зависела от специфичности. Общие ощущения – «тепло», «холод», «напряжение» – вели к случайным моментам с похожими характеристиками. Чем конкретнее память, тем точнее попадание.

– Это как GPS, – объяснила Лира после очередного возвращения. – Широта и долгота недостаточны, если ты хочешь попасть в конкретную комнату. Нужен полный адрес: улица, дом, этаж, квартира. И для навигации – то же самое. Мне нужно вспомнить не «я сидела», а «я сидела на этом стуле, в этой позе, с этим ощущением ткани на коже, с этим запахом в носу, с этим звуком в ушах».

– Это требует невероятной детализации.

– Да. И это объясняет, почему яркие моменты легче найти. – Лира посмотрела на фотографию Майи. – Сильные эмоции закрепляют телесную память. Когда что-то важное происходит, мы запоминаем не только событие – мы запоминаем, как наше тело это переживало. Каждую деталь.

– Значит, моменты с Майей...

– Должны быть доступнее, чем другие. – Лира кивнула. – Потому что я помню их всем телом. Каждый раз, когда держала её на руках, каждый раз, когда слышала её смех – это записано глубже, чем обычные воспоминания.

– Ты хочешь попробовать?

Лира молчала. Она хотела – боже, как она хотела. Найти Майю в Галерее, быть рядом с ней, пусть даже как наблюдатель. Это было всё, о чём она мечтала пять лет.

Но.

– Не сейчас, – сказала она. – Я ещё не готова. Слишком много может пойти не так. – Она посмотрела на Алекса. – Мне нужно больше практики. Больше контроля. Когда я пойду к ней – я хочу быть уверена, что смогу остаться. Что меня не выбросит в какой-нибудь чужой момент. Что я найду именно то, что ищу.

– Это... разумно.

– Это трудно. – Она усмехнулась. – Знать, что она там, и не идти. Но я ждала пять лет. Могу подождать ещё немного.

За окном небо начинало светлеть. Ночь уходила, утро приближалось. Обычный мир продолжал свой обычный ход, не замечая, что где-то рядом, за тонкой плёнкой восприятия, существовала вечность.

– Тебе нужно отдохнуть, – сказал Алекс. – По-настоящему. Не в больнице – дома.

– Знаю.

– И поговорить с Дэвидом.

Лира вздрогнула. Она не думала о Дэвиде – не по-настоящему – с тех пор, как проснулась в больнице. Всё её внимание было поглощено Галереей, навигацией, поиском Майи. А он ждал. Волновался. Не понимал, что происходит.

Ещё одна вещь, которую я делаю неправильно, подумала она. Ещё одна стена, которую строю.

– Да, – сказала она вслух. – Мне нужно поговорить с Дэвидом.

Дорога домой была странной.

Лира вела машину на автопилоте, позволяя рукам и ногам делать привычную работу, а разуму – блуждать. Галерея пульсировала на краю восприятия, но теперь это было почти уютно. Как шум прибоя для жителя побережья – постоянный, но не мешающий.

Она думала о том, что узнала за эту ночь.

Навигация работала через телесную память. Точность требовала специфичности. Сильные эмоции закрепляли детали. Всё это имело смысл – не только интуитивно, но и научно. Соматосенсорная кора, гиппокамп, связи между эпизодической и процедурной памятью. Она могла бы написать статью. Если бы кто-нибудь поверил.

Но это не главное, понимала она. Главное – что я могу найти её. Не сегодня. Не завтра. Но скоро. Когда буду готова.

Дом встретил её тишиной. Дэвид, наверное, ушёл на работу – или нет? Который час? Она посмотрела на часы и с удивлением обнаружила, что ещё только семь утра. Слишком рано для работы.

Она нашла его на кухне – сидящего за столом с чашкой кофе и телефоном в руке. Когда она вошла, он поднял голову, и на его лице было выражение, которое она видела слишком часто за последние годы. Смесь облегчения и усталости.

– Алекс позвонил вчера, – сказал он. – Сказал, что ты в больнице. Я приехал, но тебя уже увезли на обследование. Потом мне сказали, что ты в порядке, но хочешь остаться на ночь.

– Я не хотела тебя беспокоить.

– Лира. – Его голос был ровным, но что-то в нём дрогнуло. – Моя жена потеряла сознание во время эксперимента и провела ночь в больнице. Ты думаешь, я *не* беспокоился?

– Я...

– Нет. – Он поднял руку. – Не надо объяснений. Не сейчас. Я просто хочу знать одну вещь. – Он встал, подошёл к ней. – Что происходит, Лира? По-настоящему. Не «эксперимент», не «исследование». Что ты делаешь?

Она смотрела на него – на этого человека, который был рядом пятнадцать лет, который потерял дочь вместе с ней, который остался, когда мог бы уйти. И впервые за долгое время она видела его по-настоящему. Не как фон своей жизни, не как часть ежедневной рутины. Как человека.

Он заслуживает правды, подумала она. Или хотя бы попытки.

– Я нашла её, – сказала Лира.

– Нашла кого?

– Майю.

Тишина. Долгая, тяжёлая. На лице Дэвида что-то изменилось – не выражение, а что-то глубже. Как будто земля под ногами сдвинулась.

– Что ты имеешь в виду? – Его голос был хриплым.

– Я... – Лира замолчала. Как объяснить? С чего начать? – Эксперимент, над которым я работала все эти годы. Он... сработал. Не так, как я ожидала. Лучше. Или хуже. Я не уверена.

– Лира, ты меня пугаешь.

– Я знаю. – Она села за стол, напротив него. – Дэвид, то, что я сейчас скажу, будет звучать безумно. Но это правда. Я видела её. Не в воспоминаниях, не в снах. По-настоящему.

И она рассказала. Всё. Галерея, Платония, застывшие мгновения. Тысячи версий себя, расходящиеся лучами. Маленькая фигура в платье в горошек – нет, в звёздочку, она перепутала в первый раз. Серое на горизонте. Правила навигации, телесная память, координаты.

Дэвид слушал молча. Его лицо было неподвижным, но Лира видела, как меняются его глаза – от недоверия к чему-то другому, чему она не могла дать название.

Когда она закончила, он долго молчал.

– Ты хочешь, чтобы я в это поверил, – сказал он наконец.

– Я хочу, чтобы ты понял.

– Это не одно и то же.

– Знаю. – Лира протянула руку через стол, коснулась его ладони. – Я не прошу тебя верить. Я прошу тебя... подождать. Дать мне время разобраться в том, что произошло. И, может быть... – Она замолчала.

– Может быть, что?

– Может быть, однажды я смогу тебе показать.

Он смотрел на неё – долго, пристально. И в его глазах Лира видела то, чего не видела годами. Не раздражение, не усталость, не тот особый вид смирения, который бывает у людей, давно переставших надеяться.

Страх. Но не только страх.

Надежда.

– Наша дочь, – сказал он. Голос дрогнул. – Ты говоришь, что она... что она всё ещё существует?

– Да. – Лира сжала его руку. – Не так, как мы привыкли думать о существовании. Не здесь, не сейчас. Но... да. Каждый момент её жизни – первые шаги, последний рисунок, всё между ними – это существует. Вечно. И я могу к этому... добраться.

– Как?

– Я ещё учусь. – Она усмехнулась. – Сегодня ночью я три раза промахнулась. Попала в своё детство, в чужую операционную, в нашу первую ссору. Но я учусь. И когда научусь...

– Ты пойдёшь к ней.

– Да.

Дэвид молчал. Потом медленно, осторожно накрыл её руку своей – обеими руками, как будто боялся, что она исчезнет.

– Я не понимаю, – сказал он. – Не понимаю ничего из того, что ты сказала. Но... – Он сглотнул. – Если есть хоть малейший шанс, что это правда. Что она... что я снова смогу её увидеть...

– Ты сможешь, – сказала Лира. И впервые за пять лет она верила в то, что говорила. – Я найду способ. Обещаю.

Остаток утра прошёл в странном спокойствии.

Лира приняла душ, переделалась, съела что-то – впервые за долгое время еда имела вкус. Дэвид ушёл на работу, но его прощальный взгляд был другим, чем обычно. В нём было что-то новое. Что-то, что Лира не видела с тех пор, как Майя заболела.

Он начинает верить, подумала она. Или начинает надеяться. Не знаю, что хуже, если я ошибаюсь.

Но она не ошибалась. Она это знала – той особой уверенностью, которая приходит только от прямого опыта. Галерея была реальной. Моменты существовали. Навигация работала.

Вопрос был только в том, как сделать её достаточно точной.

Лира села за стол в своём домашнем кабинете – маленькой комнате, которая когда-то была детской, а теперь служила хранилищем для книг и бумаг. Она не любила здесь работать – слишком много воспоминаний в стенах. Но сегодня это казалось правильным.

Если я хочу найти Майю, думала она, мне нужно понять, как работает телесная память. Какие ощущения уникальны для каждого момента. Как отделить одно от другого.

Она закрыла глаза. Галерея тут же откликнулась – мягкая, приглашающая, готовая принять.

Не сейчас, сказала она себе. Сначала – теория. Потом – практика.

Но Галерея не отступала. Она пульсировала на краю сознания, и сквозь неё – сквозь бесконечность конфигураций – проступало что-то знакомое.

Эта комната, поняла Лира. Галерея показывает мне эту комнату.

Не нынешнюю – другую. Ту, какой она была раньше, когда была детской. Розовые стены, которые они с Дэвидом красили, когда узнали, что будет девочка. Кровать у окна. Мобиль с бабочками, который Майя любила так сильно, что засыпала, только глядя на него.

Я здесь, поняла Лира. Физически. В той же комнате, в том же пространстве. Только время другое.

И без особого усилия – без намерения, без попытки – она соскользнула.

Розовые стены.

Лира стояла посреди детской – той детской, которой не было уже много лет. Всё было на месте: кровать, мобиль, пеленальный столик с запасом подгузников. Запах детской присыпки и чего-то молочного. Свет из окна – мягкий, утренний.

Это не промах, поняла она. Это я здесь была. Физически. И Галерея откликнулась на моё присутствие.

Она огляделась, впитывая детали. Часы на стене показывали десять утра. Календарь – март, но какого года? На столе лежала книга – «Что ожидать в первый год». Значит, Майе меньше года.

Где я сама? – подумала Лира. Где версия меня из этого момента?

И тогда она услышала – из соседней комнаты – свой собственный голос. Поющий. Колыбельную.

Лира двинулась – или что-то, что заменяло движение в этом безвременном месте – к двери. Выглянула в коридор.

Она-прошлая сидела в кресле-качалке – том самом, которое они купили специально для кормления. На руках у неё была Майя – крошечная, завёрнутая в белое одеяло. Она не спала. Смотрела на маму широко открытыми глазами, и на её лице было выражение абсолютной сосредоточенности.

Она слушает, поняла Лира-настоящая. Слушает мой голос. Изучает.

И она вспомнила этот момент. Не как воспоминание – как физическое ощущение. Вес ребёнка на руках. Тепло маленького тела. Запах молока и детской кожи. Ритм покачивания. Слова колыбельной, которые приходили сами, без усилия.

Вот они, поняла она. Координаты. Вот что делает этот момент уникальным.

Не розовые стены, не время на часах, не книга на столе. Вес. Тепло. Запах. Ритм. Физические ощущения, записанные в теле так глубоко, что даже годы спустя она могла их воспроизвести.

Лира смотрела на себя-прошлую и на дочь – живую, дышащую, смотрящую на мир с тем особым любопытством, которое бывает только у младенцев. И что-то внутри неё ломалось – не в плохом смысле, а как плотина, сдерживающая воду.

Ты здесь, думала она. Ты всегда была здесь. Я просто не знала, как найти.

Момент начал растворяться – медленно, как утренний туман. Лира не сопротивлялась. Она знала, что вернётся. Знала, что теперь, когда она поняла систему, дорога назад будет всегда.

Реальность мягко приняла её обратно.

Кабинет. Бывшая детская. Настоящее.

Лира открыла глаза и обнаружила, что плачет. Слёзы текли по щекам, капали на рубашку. Она не пыталась их остановить.

Я поняла, думала она. Наконец-то поняла.

Координаты – это тело. Не место, не время, не эмоции. Физические ощущения, уникальные для каждого момента. Вес ребёнка на руках. Боль пореза. Напряжение в плечах во время ссоры. Каждый момент имел свою сигнатуру, свой отпечаток в телесной памяти.

И если она хотела найти Майю – по-настоящему найти, целенаправленно – ей нужно было вспомнить не моменты, а ощущения. Не «первые шаги», а как она стояла, когда смотрела на них. Не «последний рисунок», а как держала в руках листок с зелёным небом.

Это возможно, поняла она. Трудно, но возможно. Я помню. Моё тело помнит.

Она встала, вытерла лицо. За окном был обычный день – серое небо, голые деревья, машины на улице. Обычный мир, не знающий о вечности за своими пределами.

Завтра, решила Лира. Завтра я начну по-настоящему. Составлю список моментов, которые хочу найти. Вспомню телесные ощущения для каждого. И пойду.

К ней.

Она посмотрела на стену – ту, которая раньше была розовой, а теперь была бежевой. Сквозь неё, призрачным слоем, проступала другая стена. Другое время.

Ты там, подумала она. И я иду.

Вечер принёс с собой усталость – глубокую, всепоглощающую, какой Лира не чувствовала давно. Тело требовало отдыха, и даже Галерея, казалось, притихла, давая ей передышку.

Дэвид вернулся с работы раньше обычного – волновался, наверное. Они ужинали вместе, почти молча, но это было другое молчание. Не пустое, не отчуждённое. Молчание людей, которым не нужны слова, чтобы понимать друг друга.

– Ты что-нибудь нашла? – спросил он перед сном.

– Да. – Лира лежала в кровати, глядя в потолок. – Я поняла, как это работает. Или начала понимать.

– И?

– И завтра я попробую по-настоящему. Найти её.

Он ничего не сказал. Просто взял её за руку и держал – долго, крепко, как будто боялся отпустить.

– Я хочу пойти с тобой, – сказал он наконец.

– Не знаю, возможно ли это.

– Но ты узнаешь?

– Узнаю. – Она повернулась к нему. – Обещаю.

Он кивнул. И впервые за долгое время они уснули, держась за руки.

Галерея ждала. Вечность была терпелива.

Сон пришёл странный – не совсем сон, не совсем явь. Лира скользила по краю Галереи, не погружаясь глубоко, просто касаясь поверхности вечности.

И в этом полусне она видела её – Майю. Не в конкретном моменте, а как... присутствие. Свет среди бесконечных конфигураций. Тепло в холодной геометрии вневременного ландшафта.

Я иду, думала Лира. Я учусь. Скоро.

И откуда-то – из глубины Галереи или из собственного подсознания – пришёл ответ. Не слова, а ощущение. Тепло. Принятие.

Я жду.

Лира проснулась с рассветом. За окном – первые лучи солнца, редкого для декабрьского Сизгла. Галерея пульсировала мягко, привычно.

Сегодня, решила она. Сегодня я начну.

И она начала.

Глава 4: Рождение

Утро началось с ритуала.

Лири сидела на полу своего кабинета – бывшей детской – скрестив ноги, закрыв глаза. Не медитация в традиционном смысле. Что-то другое. Что-то, чему она училась последние три дня, с тех пор как поняла принцип координат.

Тело помнит.

Она начинала с малого: вызывала ощущения, которые знала хорошо. Холод металлической ручки двери. Тепло чашки с кофе в ладонях. Шершавость ковра под босыми ногами. Каждое ощущение – якорь. Каждый якорь – потенциальные координаты.

Галерея откликнулась. Мягко, послушно, как хорошо выдрессированное животное. Три дня назад она была дикой, непредсказуемой. Теперь – почти ручной. Почти.

Контроль, думала Лири, чувствуя, как призрачные конфигурации колышутся на краю восприятия. *Всё дело в контроле. Не подавлять, не сопротивляться. Направлять.*

Она открыла глаза. Комната была обычной – бежевые стены, стол, книжные полки. Но сквозь неё, как всегда, проступало что-то другое. Розовые стены прошлого. Кроватка у окна. Мобиль с бабочками.

Скоро, сказала она себе. *Сегодня.*

Сегодня она пойдёт к Майе. По-настоящему. Не случайно, как в ту ночь, когда соскользнула в момент с колыбельной. Целенаправленно. К конкретному моменту, который выбрала заранее.

К моменту рождения.

Выбор был непростым.

За три дня Лири составила список – моменты, которые помнила лучше всего. Первые шаги. Первое слово. Первый день рождения с настоящим тортом и свечкой, которую Майя пыталась съесть вместо того, чтобы задуть. Последний Новый год, когда они смотрели фейерверк с балкона. Последний рисунок с зелёным небом.

Каждый момент она разложила на составляющие – телесные ощущения, которые помнила. Некоторые были яркими, детальными. Другие – размытыми, неопределёнными. Лири быстро поняла закономерность: чем сильнее эмоция в момент события, тем чётче телесная память.

Рождение было самым ярким.

Двенадцать часов схваток. Боль, которую она не могла описать словами, только телом. Пот, кровь, крики, которые, казалось, принадлежали кому-то другому. И потом – облегчение, такое абсолютное, что оно ощущалось как физический удар. И первый крик ребёнка. И маленькое тело на груди – тёплое, мокрое, живое.

Это я не забуду никогда, подумала Лири. *Тело не забудет.*

Она провела пальцами по списку, остановилась на первой строке. «Рождение. 14 марта, 3:47 утра. Родильная палата, Сиэтлский медицинский центр».

Координаты известны. Тело помнит. Осталось только пойти.

Дэвид ушёл на работу два часа назад, но его беспокойство осталось – витало в воздухе, как запах его утреннего кофе.

«Будь осторожна», – сказал он перед уходом. Простые слова, но в них было столько всего. Страх. Надежда. Любовь, которую он не умел выражать иначе.

«Буду», – ответила она. И впервые за долгое время это была правда.

Теперь она сидела одна в тишине дома, готовясь к путешествию, которое не имело аналогов в человеческом опыте. Никаких приборов, никакого оборудования. Только она, её тело и бесконечность, ждущая за гранью восприятия.

Алекс сказал бы, что это ненаучно, подумала она с лёгкой улыбкой. Эксперимент без контрольной группы, без двойного слепого, без воспроизводимости.

Но Алекс сам видел данные. Видел паттерны активации, которые не укладывались ни в какие модели. И, кажется, начинал понимать, что некоторые вещи выходят за рамки привычной науки.

Лира встала, прошла по комнате. Нужно было двигаться, почувствовать тело, прежде чем отправить его – или часть его – в место, которое не существовало в обычном смысле слова.

Хорошо, решила она. Пора.

Она села в кресло – то самое кресло-качалку, которое они когда-то купили для кормления. Оно стояло в углу кабинета, единственный предмет из детской, который она не убрала. Не смогла.

Кресло качнулось под её весом. Знакомое движение, знакомый скрип. Сколько раз она сидела здесь с Майей на руках? Сотни? Тысячи?

Достаточно, подумала она. Начнём.

Первый этап – расслабление.

Лира закрыла глаза и позволила телу обмякнуть. Плечи опустились, челюсть расслабилась, дыхание стало глубже. Это было похоже на медитацию, но с другой целью. Не успокоение ума, а настройка тела.

Галерея тут же откликнулась – мягкая золотистая пульсация на краю сознания. Лира не торопилась входить. Сначала – якоря.

Родильная палата, думала она. Не место – ощущения.

Она начала вспоминать.

Спина. Кушетка под ней была жёсткой, обтянутой каким-то медицинским пластиком. Она лежала на спине, колени согнуты, ноги разведены. Поза унижительная, но в тот момент ей было всё равно. Боль стирала всё остальное.

Руки. Левая сжимала металлический поручень кровати – холодный, гладкий. Правая – руку Дэвида. Его пальцы были тёплыми, чуть влажными от пота. Он держал её крепко, почти до боли.

Так, подумала Лира. Хорошо. Дальше.

Запах. Антисептик – резкий, химический. Под ним – что-то более органическое. Пот. Кровь. Амниотическая жидкость. Запахи, которые в любой другой ситуации вызвали бы отвращение. Но тогда они означали одно: жизнь. Новая жизнь, прокладывающая себе путь в мир.

Звуки. Голос акушерки – профессионально-спокойный, ритмичный: «Тужьтесь... хорошо... ещё раз...» Писк мониторов. Её собственные стоны, переходящие в крики. И потом – тишина. Долгая, страшная секунда тишины. А потом – первый крик.

Температура. Жарко. Невыносимо жарко, хотя в палате работал кондиционер. Пот стекал по лбу, заливал глаза. Кто-то промокнул её лицо полотенцем – грубым, больничным, но прохладным.

Достаточно, поняла Лира. У меня достаточно координат.

Она позволила себе погрузиться глубже – и почувствовала, как Галерея принимает её, как вода принимает камень. Плавно, неизбежно.

Мир вокруг начал меняться.

Переход был другим, чем раньше.

Не хаотичное падение, не судорожное скольжение между случайными конфигурациями. Это было направленное движение – словно она плыла по течению, которое сама создала. Золотистая вязкость Галереи обтекала её, направляя к цели.

Образы проявлялись постепенно.

Сначала – свет. Не обычный свет, а что-то более плотное, почти осязаемое. Золотистый, тёплый, как мёд. Он заполнял пространство, которое ещё не обрело форму.

Потом – звук. Низкий гул на грани слышимости, похожий на колыбельную без слов. Лира не сразу поняла, что это такое. Потом поняла: это был тон момента. Его частота. Его вибрация в структуре вечности.

Каждый момент имеет свой звук, отметила она. Это можно использовать. Искать по звучанию.

И наконец – место.

Родильная палата материализовалась вокруг неё, как фотография, проявляющаяся в реактиве. Стены. Оборудование. Люди.

Люди.

Лира стояла в углу – или присутствовала, здесь это было одно и то же – и смотрела на сцену, которую помнила и которую не помнила одновременно. Потому что память – это одно. А быть там – совсем другое.

Кушетка. На ней – она сама, двенадцать лет назад.

Лира-прошлая выглядела измождённой. Волосы прилипли к потному лбу, лицо бледное, под глазами – тёмные круги. Она только что прошла через двенадцать часов ада. И на её лице было выражение, которое Лира-настоящая не ожидала увидеть.

Не облегчение. Не радость. Страх.

Я боялась, вспомнила она. Боялась, что что-то пойдёт не так. Что ребёнок не закричит. Что я не справлюсь.

Рядом с кушеткой стоял Дэвид – молодой, без седины в волосах, без морщин усталости вокруг глаз. Его рука всё ещё держала руку жены. Его лицо было бледным, почти белым.

Он тоже боялся, поняла Лира. Мы оба боялись. И никогда об этом не говорили.

Акушерка – полная женщина в зелёном халате – застыла в полудвижении, руки протянуты к чему-то между ног роженицы. К кому-то.

И этот кто-то был там.

Майя.

Новорождённая Майя – крошечная, покрытая слизью и кровью, с пуповиной, ещё не перерезанной. Она была красной, сморщенной, похожей на инопланетное существо больше, чем на человека.

И она была живой.

Лира подошла ближе – или что-то, что заменяло приближение в этом безвременном месте. Она хотела видеть. Хотела запомнить каждую деталь.

Маленькие кулачки – сжатые, как будто Майя готовилась драться с миром, в который только что пришла. Нахмуренный лоб – серьёзный, сосредоточенный. И глаза...

Глаза были открыты.

Не широко – узкими щёлочками, как бывает у новорождённых. Но они были открыты. И они двигались. Медленно, неуверенно, пытаясь сфокусироваться на чём-то, что ещё не научились видеть.

Она не плачет, заметила Лира. В моей памяти – она кричала. Но сейчас... она не плачет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.